

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ТАМ, ГДЕ БЬЕТСЯ

АРТЕРИЯ



Николай Леонов

Там, где бьется артерия (сборник)

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Там, где бьется артерия (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014

ISBN 978-5-699-76977-3

В небольшом поселке обнаружено несколько трупов со специфическими ранами – у всех жертв прокушены шеи. Местным полицейским не удалось выйти на след убийцы, и дело передали в Москву. На место преступления срочно прибыли лучшие сыщики МУРа полковники Гуров и Крячко. Они дотошно опросили жителей поселка, но в ответ услышали лишь одно: несчастных укусили вурдалаки. Столичные гости в мистику не поверили, они тщательно обследовали место преступления и нашли зацепку, которая привела их к дому местного богача Стременцова. Сыщики взяли особняк под наблюдение и в первую же ночь стали свидетелями такого шокирующего зрелища, от которого стыла в жилах кровь...

ISBN 978-5-699-76977-3

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Там, где бьется артерия	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Леонов, Алексей Макеев Там, где бьется артерия (сборник)

© Леонова О.М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Там, где бьется артерия

Глава 1

Жители Краснокуренного района, получив очередной номер местной газеты «Маяк», в числе прочей информации – о совещании у главы по развитию культуры, о начале строительства пристройки к корпусу детской больницы, о визите в район вице-губернатора – на четвертой странице с большим удивлением обнаружили заметку весьма необычной тематики: «Так что же происходит в Брутах?» Корреспондент «районки» Макар Трофименко повествовал о совершенно загадочных событиях, происходящих на отдаленном придонском хуторе. По словам автора, последние пару месяцев на его территории зафиксировано несколько случаев загадочных смертей и бесследного исчезновения хуторян. Полиция, прокуратура, Следственный комитет, засучив рукава, уже довольно давно занимаются расследованием всех этих ЧП, но пока, как явствовало из официальных сообщений «компетентных органов», о результатах говорить было преждевременно.

Не углубляясь в детали, Трофименко сдержанно сообщал о том, что у всех троих погибших были обнаружены странные ранения в области шеи. При этом, особо подчеркивал журналист, подозревать причастность к происшедшему каких-либо мистических сил наподобие пресловутых вампиров или фантастических животных типа уже известной многим чупакабры, никаких оснований не было. Тем не менее, откликаясь на просьбу правоохранительных структур, автор заметки уведомлял жителей района о том, что им надлежит быть более бдительными и немедленно сообщать обо всем, что может показаться подозрительным, или местным органам власти, или своему участковому.

Сколько уже раз операм Главного управления угрозыска, полковникам Льву Гурову и Станиславу Крячко, приходилось принимать участие во всевозможных формально-протокольных мероприятиях! Не счесть. Поэтому, когда минувшим днем их начальник и старый друг, руководитель Главка генерал-лейтенант Петр Орлов объявил о том, что завтра, в рамках празднования юбилея их ведомства, в конференц-зале министерства состоится торжественное собрание, приятели услышанное восприняли без особого энтузиазма.

– Ну, и празднуй на здоровье! – чуть зевнув, флегматично обронил Станислав. – А нам слевой лучше дай по выходному. Вот это будет праздник! На рыбалку, уже не знай сколько, вырваться не можем. У тебя ведь как? Не понос, так золотуха. Как только у нас выходные, так сразу внеочередную работу находишь.

– Солидарен! – лаконично поддержал его Гуров. – Уже задыхаемся в этих каменных джунглях. Слушай, а ведь и в самом деле! Избавь нас от этих пустых мероприятий, дай вдохнуть кислорода где-нибудь за МКАД! А?

Раздосадованный их ответом, генерал сокрушенно покачал головой и укоризненно протянул:

– Мужики-и! Что вы ерунду городите?! Есть такое слово «надо»! Это-то вам понятно? Раз приглашают, значит, не с бухты-баракхты. Так что кончайте демагогию разводить, и завтра при полном параде прошу быть в конференц-зале. Начало праздника – в десять ноль-ноль. И без опозданий!

Выслушав его, Крячко саркастично хохотнул:

– Правильно говаривал наш деревенский участковый Семен Назарович: «Мент на празднике – как лошадь на свадьбе: морда – в цветах, а ж... – в мыле»... Ну, что, Лева, поддержим, что ль, Петруху?

– Да уж, давай... – безнадежно махнул тот рукой. – Поизображаем из себя «охвициальных лиц». Или – морд. Уж кому как больше нравится, – подмигнул Лев несколько приободрившемуся Петру.

И вот они на торжественном заседании. В зале, сияющем обилием погон, произносились торжественные речи. Заодно подводилась статистика – сколько самых загадочных и запутанных преступлений было раскрыто силами сотрудников Главка, сколько опаснейших негодяев отправилось за решетку. В заключение выступлений Петру Орлову вручили медаль за успехи в охране общественного правопорядка, а сотрудникам Главка, в том числе Гурову и Крячко, была объявлена благодарность и зачитан приказ о награждении отличившихся денежной премией.

– Как только ее получу, сразу куплю новую надувную лодку, – вполголоса объявил Стас, толкнув Гурова в бок. – А то моя старушка уже несколько сезонов отплавала. Боюсь, лопнет на акватории в самый неподходящий момент, очень уж не хочется идти на корм карасям.

– А я Марии куплю новые сапоги, – подхватил Гуров. – Вчера глянул на ее «вездеходы» – вроде бы и ничего смотрятся, но я решил, что прима театра достойна лучшего.

– Правильно решил! – энергично кивнул Крячко. – Такая женщина достойна многого. Если бы моя шаманочка надумала переехать в Москву, уж я бы тоже ее «упаковал» по полной программе. Согласись, подгламурить слегка Веру, и она тут многим тусовщицам сто очков вперед даст. Но чует моя душенька, этого могу и не дожидаться. Скорее бы сын подрос...

– Как он там сейчас? – поинтересовался Лев.

– Да нормально все! – горделиво улыбнулся Стас. – Вера писала, что учебный год закончил с отличием. По математике, по русскому, природоведению – в классе лучше всех. А уж по физкультуре – даже тех, что старше его, в момент кладет на лопатки. На турнике подтягивается – поверишь ли?! – пятнадцать раз. Такой вот феномен! Петруха, злыдень, в прошлом месяце не дал слетать в Синяжье, блин! Так хотелось и с Верой, и с сыном повидаться... А теперь – когда время выдастся?!

Видимо, задетый его словами Орлов, только что спустившийся со сцены после получения награды, с нотой обиды парировал:

– Это я-то злыдень?! Да мне, наоборот, все уши прожужжали, что вы у меня на положении баловней и любимчиков.

Приятели, не выдержав, громко рассмеялись. Хлопнув его по плечу, Крячко язвительно резюмировал:

– Если бы так, как ты нас, «баловали» моего заклятого врага, я бы чувствовал себя ото-мщенным.

– Ой, давай что-нибудь новенькое! – сердито отмахнулся Петр. – Про «заклятого врага» ты уже сто раз упоминал. Как говорили еще в наши школьные годы, эта песенка стара, позабыть ее пора. Ладно, идемте уж на фуршет. Вон, видите, народ потянулся. Пошли! В программе – шампанское, фрукты и всякие иные вкусности.

Орлов не обманул. Стол, организованный по типу пресловутого «шведского», и в самом деле был хорош. Приятели, неспешно дегустируя пенящийся напиток, вполголоса обсуждали текущие дела, то и дело окунаясь в воспоминания недавней поры. В какой-то момент, о чем-то ненадолго задумавшись, Гуров неожиданно произнес:

– Знаешь, Стас, что-то мне подсказывает, что сегодня нас с тобой ждет не самый приятный сюрприз. Японский городской! Не хотелось бы, как это называется, накаркать, но что-то внутри так неприятно копошится... Вот как будто кто-то внаглую шарит в моем кармане. Тьфу, зараза! – Он недовольно отодвинул недопитый бокал.

– Хм-м!.. – Крячко задумчиво потер переносицу и оглянулся: – Опа! Так, так, так! Похоже, Лева, как того, мультяшного зайца, предчувствия тебя не обманули. К нам с многообещающей мордой топает Петруха. Ой, чую, не с добром!

– Точно! Сейчас как-нибудь да удружит! Гарантия, что поездки в какую-нибудь Папуа – Новую Гвинею или на Огненную Землю нам никак не избежать! – хмыкнул Гуров.

Орлов, подойдя к приятелям, судя по всему, сразу понял, о чем именно те судачат. Поэтому, изобразив некий неопределенный жест рукой, что можно было понять как: «Ну, раз уж вы все и сами поняли, то я не буду ломать комедию с дипломатичаньем!», деловито объявил:

– Мужики! Мои извинения. Но... Завтра вам надо будет отбыть за пределы столицы с очень важным заданием.

Опера, молча переглянувшись, вопросительно воззрились в его сторону.

– Это сегодня так принято проявлять свое нежное отношение к баловням и любимчикам? – саркастично рассмеялся Крячко.

– И как далеко нам предстоит отбыть? – выжидающе прищурился Гуров.

– В те края, где родовые корни нашего Станислава, – на вольный тихий Дон. Вы же хотели подышать кислородом за пределами МКАД? Вот и отличная возможность этим заняться!

– Ну, Петро! Ну, молодец! С ходу придумал, как подсластить пилюлю! – Стас восхищенно покрутил головой.

– Да, лихо зашел с фланга... – в тон ему прокомментировал Лев. – Теперь, Стас, понимаешь, почему не мы с тобой, а он носит на погонах такие большие звездочки? Ты бы так сумел на рысях обскакать да еще и отрезать пути к отступлению? Вот и я бы не сумел! Ишь, как ловко насчет кислорода втюхал! О-о-о! Это – суперкласс вешанья лапши и запудривания мозгов.

– Это верно... Такое – не для средних умов! – с авторитетным видом ответил Крячко.

– Ну, все-о-о! Понесло по кочкам! Ладно уж, хорош упражняться в остроумии, – нетерпеливо махнул рукой Орлов. – Давайте так... Ну, сегодня, понятное дело, догуляем. А завтра – в дорогу. Договорились?

– Да ладно уж, актуальный ты наш! – снова пододвигая к себе шампанское, усмехнулся Лев. – Только просьба: уж хотя бы сейчас по поводу задания – ни слова, ни намека. Ну, не порть нам остатки настроения.

Приняв эти слова на свой счет, генерал обратился в подобие грозовой тучи.

– Может, это я самим своим присутствием порчу ваше бесценное настроение? – совсем не по-генеральски сунув руки в карманы, с вызовом поинтересовался он, окидывая взглядом своих друзей-подчиненных.

– Хватит губы-то надувать! Смотри, каб не лопнули... – с оттенком иронии урезонил его Станислав. – Тоже мне, Маша Смородянская! Тут разве кто сказал, что лично к тебе питает неприязнь? Как чину – да, уши надрать тебе давно пора. А как старый наш друг – уж почти своим присутствием. Садись! Ну, что, мужики, выпьем за нашу дружбу? Ведь, как ни верти, а друзьями мы были и остаемся...

– Здорово! – присаживаясь на свободный стул, лаконично оценил Орлов. – За дружбу грех не выпить!

И они, как в былые времена, забыв обо всех разногласиях, прозвучавших и в шутку, и всерьез, не единожды наполнили бокалы за то, чтобы, несмотря ни на что, и в дальнейшем оставаться близкими по духу и своим жизненными ориентирам.

Ощущая некоторую недовыспанность и даже легкое головокружение, в начале восьмого утра Гуров поднялся на крыльцо Главка. Прибыл он сюда на общественном транспорте – ехать на своем «Пежо» после вчерашнего банкета было бы весьма рискованной авантюрой. Теоретически, будучи старшим опером такой конторы, как Главк угро, даже если бы его и остановили гаишники, он имел самые реальные шансы «отмазаться», сославшись на то, что за руль сел вынужденно, по срочным причинам оперативного характера. Но... С одной стороны, Лев внутренне не был склонен нарушать законы. А с другой – юлить и выкручиваться, пусть и с

надменно-многозначительным видом? Нет, подобное для себя он посчитал бы неприемлемым и даже унижительным.

В Главк он прибыл пораньше по одной простой причине – в связи с предстоящим отбытием в командировку нужно было подправить несколько отчетов главковских стажеров. Парни, курировать работу которых Орлов поручил именно ему, недавно закончили расследовать два не самых громких, но достаточно заковыристых преступления. С работой справились блестяще, но вот на рутинной бюрократии малость забуксовали, особенно по части подтверждения своих действий статьями УПК и прочих, не менее захватывающих документов.

Войдя в кабинет, Лев первым делом налил из графина и осушил полный стакан воды, после чего сел за стол и приступил к работе. Когда он уже заканчивал первый из отчетов, на пороге, как чертик из табакерки, появился жизнерадостно улыбающийся Стас. Впрочем, темные круги под его глазами говорили о том, сколь непросто и беспокойно прошла для него минувшая ночь.

– Это кто ж тебя так заездил-то? – с ироничным сочувствием поинтересовался Гуров. – Клава или Люцина?

– Обе! – тоже осушив стакан воды, тяжело вздохнул Крячко.

– Это ты – с обеими сразу?! – ошарашенно покрутил головой Лев. – Ни хрена себе рекорды!

– Лева! Ну, ты же сам помнишь, какой я был в «Попутном ветре»! Такое состояние можно назвать разве что «море по колено». Мало того что мы в кабаке употребили сверх меры, так еще и на квартире Клавы добавили. У-у-у! Там я вообще вразнос пошел. Правда, подозреваю, что девчонки мне в вино подсыпали чего-то стимулирующего. Отпахал – как робот с перезаряженным аккумулятором. Зато сейчас такое ощущение, что на пару месяцев можно смело уходить в монастырь – все помыслы только о самом чистом и высоком...

Слушая его, Гуров невольно рассмеялся. Он хорошо запомнил их вчерашние коллективные посиделки. После окончания фуршета в банкетном зале три приятеля решили продолжить банкет. На служебной машине Петра они отправились в престижный ресторан «Попутный ветер». Там их дружеская беседа была продолжена за бутылкой коньяка. Как видно, эта импозантная тройка не могла не привлечь внимания завсегдатаек ресторана, падких на флирт с солидными мужчинами.

В какой-то момент к их столику подружили две сексапильные, привлекательные дамы «чуть под тридцать», которые поинтересовались возможностью составить компанию столь интересным «господам офицерам». Будучи в душе джентльменами, а с учетом употребленного горячительного еще и гусарами, «господа офицеры» охотно приняли их к своему, так сказать, «шалашу». Ради интересных незнакомок, представившихся как Клава и Люцина, была заказана еще одна бутылка коньяка и потребное количество закусок, после чего пир был продолжен с еще большим пылом и жаром.

Ближе к концу попойки дамы неожиданно намекнули, что были бы не против, если бы этот замечательнейший вечер продолжился в гораздо более уединенной обстановке. Однако сразу двое из «гусар» поспешили уведомить, что их прямо сейчас ждут некие неотложные дела, в связи с чем они употребляют «на посошок» и срочно отбывают раскрывать некое ужасное «преступление века». Зато третий – плотный улыбчивый полковник – объявил, что он свободен, ибо все выпавшие ему преступления на данный момент им полностью раскрыты. Приобняв красоток за талию, он направился с ними к выходу.

При всем богатстве фантазии и знании неугомонной натуры Стаса Лев никак не мог даже предполагать, как у того продолжится вчерашний вечер. А тот, закончив повествование о своих похождениях, плюхнулся на стул и, хитро ухмыльнувшись, спросил с подначкой в голосе:

– Мария-то тебя не слишком ругала, когда пришел домой «под креном»?

– Сначала ворчала, потом... Потом мурлыкала и ворковала. Это все, что могу рассказать. Детали? Тебе это надо?

Крячко замахал руками и великодушно объявил:

– Никаких деталей! Мне достаточно было узнать о том, что у моего лучшего друга все отлично, все замечательно. А ты что, отчеты правишь?

– Да вот, надо до отъезда сдать. В обед отбываем. Сумку-то дорожную приготовил? Как это – нет?! А как же и с чем ехать собираешься? А ну, давай, живо дуй домой. К двенадцати чтобы в Домодедове – как штык!

– Ладно, отчалил... – Стас направился к двери. – Нет, Лев, я бы тебе помог с отчетами, но я и сам не очень-то дружу со статьями. Могу такого наколбасить, что потом тебе же будет лишняя работа. Все! Ушел!

Когда Лев покончил с последним отчетом, зазвонил телефон внутренней связи. Гуров знал уже наверняка – это Петр.

– Привет! – Голос генерала звучал свежо и бодро. – Один скучаешь? Наш Стасушка все еще почивать изволят-с?

– Нет, он уже был, хотя и выглядит, как заезженная лошадь, – невозмутимым тоном уведомил Лев. – По ряду причин дорожную сумку он собрать не успел, поэтому я отправил его домой.

Некоторое время в трубке царило молчание.

– Это он, выходит, дома вообще не ночевал? – Теперь в голосе Орлова сквозило безмерное удивление. – Он что, у этих двух милашек кантовался?

С трудом сдерживая смех, Гуров продолжил с той же степенью невозмутимости:

– Конкретно, у Клавы. Они там добавили винца и вдвоем делали что-то очень смешное и веселое... А ты считаешь, что он пошел всего лишь проводить их, читая по дороге сонеты Шекспира и сказки Пушкина? Наивный албанский парень! Отпустить Стаса с женщинами – это все равно что голодную лису пустить в курятник для проведения переписи куриного населения. Ну, ясное дело, ему было не до сборов в дорогу.

Закашлявшись, Петр сокрушенно выдохнул:

– Ну, твою дивизию, Казанова хренов! Пусть только опоздает на самолет! Я ему, блин, кое-что собственноручно оторву. Ладно, зайди ко мне, обсудим кое-какие дела.

Занеся отчеты в информотдел, Лев направился к кабинету Орлова. Войдя в приемную, он с порога увидел Верочку, секретаршу генерала, щебечущую по телефону. Не умолкая ни на секунду, она протянула ему два каких-то больших конверта. Взглянув на адреса отправителей, Лев рассмеялся – это были справочные материалы, присланные ему по недавнему, неделю назад закрытому делу.

– Прибщи-ка эти бумажки к делу об убийстве хозяина ювелирной фирмы «Сапфир-икс», – небрежно отмахнулся Гуров и шагнул в кабинет, откуда доносился генеральский рык.

Судя по тональности голоса, Петр давал разнос одному из недотеп, который по недоразумению судьбы стал опером угро.

– ...Кто так работает?! Кто-о?! – свирепо орал он, одновременно указывая Льву рукой на кресло. – Сегодня же заявление по собственному желанию мне на стол, и – катись на все четыре стороны! – Орлов бросил трубку на аппарат. – Черт знает, что за кадры начали выпускать! Ни ума, ни фантазии... Ладно, хрен с ним! Значит, давай-ка обсудим, что за дело будете расследовать со Стасом...

По словам генерала, о ЧП, случившемся на хуторе одного из сельских районов в среднем течении Дона, краем уха он слышал и раньше. Но вот вчера, сразу после торжественной части, его вызвал к себе замминистра и сказал, что без опытных, испытанных кадров Главка в расследовании тамошних бедствий никак не обойтись. И районные, и областные «пинкертоны»

уже днюют и ночуют на том злосчастном хуторе, который, к слову сказать, не меньше иной средней величины станицы. Однако все их усилия пока не дали никакого результата.

На сегодня весь Краснокуренный район Среднедонской области пребывает в крайней тревоге. А хутор Бруты, на который и обрушились неведомые бедствия, стремительно начал пустеть. Из почти восьмисот человек, ранее проживавших на его территории, за последние два месяца осталось чуть более шести сотен. Людей ужасают ничем не объяснимые обстоятельства гибели троих односельчан.

– ...Люди погибали поздним вечером или ночью, – сцепив пальцы рук, задумчиво рассказывал Петр. – Что характерно, на шее у всех погибших имелись ранения, нанесенные чьими-то клыками, разорвавшими одновременно яремную вену и сонную артерию. Правда, как явствовало из картины происшедшего, все трое умерли от кровопотери, никак не связанной с тем, что именуют вампиризмом. Если убийца и пил их кровь, то, скорее всего, самую малость – на земле под убитыми растекались ее целые лужи, и поэтому установить – имелся факт вампиризма или нет, пока не удалось.

Кроме того, за тот же период времени на хуторе без вести пропали еще четыре человека. Поисковые группы не единожды прочесывали всю округу, все тамошние озера и сам Дон с его притоками, но это ничего не дало. Люди словно бесследно растворились в воздухе. А с некоторых пор появились даже очевидцы, которые утверждали, что лично видели каких-то мистических чудовищ и привидений, которые направлялись к их хутору со стороны заброшенного кладбища давно обезлюдевшего соседнего хутора.

Местный священник провел уже три крестных хода во избавление хутора от дьявольской напасти, но пока что это результатов не дало. А на днях в районную больницу с сильнейшим нервным потрясением попал мальчик, который, с трудом придя в себя, рассказал о том, что за ним гнались настоящие вурдалаки, желавшие его съесть. Многие из краснокуренных оперов уже готовы поверить в деятельность потусторонней нечисти. Что уж говорить про обычных хуторян? «Сарафанное радио» разносило вести и о нашествии чупакабр, хотя их существование пока никем не доказано.

– Служебно-разыскных собак задействовать не пробовали? – выслушав, уточнил Гуров.

– Да пробовали... – сокрушенно подтвердил Орлов. – Ни одна след не взяла.

Более того, отметил он, как уверяли кинологи, на местах происшествий многие собаки вообще вели себя очень странно. У них проявлялась такая реакция, которую можно было бы расценивать как запредельный испуг на грани ужаса. Они выли, поджимали хвост, пытались вырваться и убежать. При этом у них на загривке шерсть вздымалась дыбом, а глаза были такие, словно они видели перед собой пропасть, в которую предстояло прыгнуть.

– Понятно... – о чем-то напряженно думая, чуть заметно кивнул Лев.

– «Понятно» – это в том смысле, что ты догадался, в чем суть происходящего? – настаивал Петр.

– Ну, в чем суть происходящего, мне понятно изначально – это все чья-то жестокая мистификация... – Голос Льва звучал спокойно и уверенно. – Ее мотивы? Они могут быть любые. Скажем, месть всему белу свету некоего деревенского лузера за свои неудачи. Или, например, изощренные проделки параноика, возомнившего себя материализованным воплощением какого-нибудь порождения ада. Помнишь дело клинского «Черного демона»? Вот-вот... Что касается реакции собак, то, насколько мне известно, многие из них именно так реагируют на запах тигра.

– Но откуда там могут взяться тигры? – недоуменно развел руками Орлов.

– Да сам-то тигр там вовсе и ни к чему. – На лице Гурова промелькнула усмешка. – Достаточно раздобыть его крови, экскрементов или мочу... Главное, иметь то, что пахнет этим хищником. У собаки нюх в сотни раз тоньше человеческого. Чуть брызнул на траву – и для многих животных этого уже достаточно.

Петр, нахмутив лоб, задумчиво впери́л взгляд в окно.

– Откровенно говоря, я тоже далек от мистики! – негромко проворчал он. – Согласен, логика в твоих рассуждениях железная. Но вот... Удастся ли это подтвердить на практике? Хотелось бы надеяться... А что думаешь по поводу укусов в шею?

– Возможно, проделки какого-то крупного хищника. Не исключено, что и дрессированной собаки, обученной нападать именно таким образом.

– Ну-ну... – Орлов потер лоб и пожал плечами. – В принципе, я сам предполагаю что-то подобное. Но вот только почему рядом с убитыми не обнаруживается вообще никаких следов? Это-то как объяснить?

– На месте разберемся... – флегматично обронил Лев, с трудом сдерживая зевотку.

Напоследок обсудив с генералом всевозможные аспекты и нюансы предстоящего расследования, Гуров отправился в бухгалтерию за уже купленными для них со Стасом билетами на самолет и командировочными.

Крячко в аэропорт не опоздал. Он прибыл за полчаса до регистрации. Сев рядом с Гуровым и поставив на пол свою дорожную сумку, Станислав чему-то удовлетворенно улыбнулся.

– Ну, вот и я! – объявил он и, тут же приглушив голос, восхищенно произнес, кивком головы указав вслед хорошенькой стюардессе в стильной униформе: – Е-мое! Какая симпатяшка! Я фигею! Какая статья! Какая грация!

Окинув его удивленным взглядом, Лев негромко рассмеялся.

– О-го-го! Этот «спич» ты толкнул в рамках помыслов только о «самом чистом и высоком»? – не без язвительности напомнил он. – Помнится, каких-то два-три часа назад кто-то из нас двоих уверял, что ему на пару ближайших месяцев можно смело отправляться в монастырь. Что, ветер монастырских настроений уже переменился?

Издав смущенное «гм!», Крячко почесал затылок.

– Понимаешь, Лева, про монастырь-то я и думал. И продолжаю думать. Да! Только вот, извини, не пояснил сразу, что речь-то шла о женском монастыре... Вот... А туда я – хоть сейчас!

– Ну, трепло! – добродушно рассмеялся Гуров, толкнув его в плечо. – О! А это что за делегация? – удивленно добавил он, глядя на спешащих в их сторону двух пэпээсников с автоматами на шее и шагающих следом за ними типом в штатской одежде, который что-то торопливо им говорил, тыча пальцем в сторону Стаса.

Тем временем, подойдя к ним, пэпээсник с лейтенантскими погонами схватил Станислава за рукав ветровки и с нотками амбициозной заносчивости скомандовал:

– Встать! Руки сюда! И не рыпаться...

Второй пэпээсник с сержантскими погонами проворно достал наручники, но их обоих остановила суровая команда Гурова, сунувшего им под нос удостоверение:

– Отставить! Полковник Гуров, Главное управление угрозыска. Что за клоунату вы тут затеяли?

– Да видали мы таких полковников... – начал было говорить амбициозный лейтенант, но, наткнувшись на взгляд Льва, осекся и уточнил уже совсем другим тоном: – Вы и в самом деле из Главка угро? А-а-а... Вы тоже оттуда? – спотыкаясь, спросил он у Крячко.

Тот, усмехнувшись, молча достал свою «корочку» и, развернув, показал опешившимся пэпээсникам. У тех растерянно забегали глаза. Они поняли, что вляпались по полной. Гражданский, следовавший за ними, попятился было назад, но строгий окрик Станислава: «Куда?! А ну, назад!» – вынудил его остановиться.

– Кто этот человек и что вообще произошло? – Гуров строго взглянул на приятеля, уже начиная догадываться о подоплеке всех этих странностей.

Крячко, одарив штатского испепеляющим взглядом, вкратце поведал о недавнем конфликте по пути в аэропорт.

...Случилось так, что таксист – парень послеармейского возраста, совсем недавно бывший в Москву из провинции, на одном из участков дороги сманеврировал несколько неудачно. Причем не по своей вине. С одной стороны, его постоянно торопил Крячко, опасающийся опоздать на посадку. А вот с другой... Такси, по сути, внаглую подрезала какая-то шальная дамочка на «Опеле». Уворачиваясь от столкновения с «Бундесвагеном», таксист едва не впечатался в новенький «Лексус».

Вот тут-то все и произошло. Сидевшие в «японце» немедленно прижали такси к обочине своим «сараям на колесах» и подняли немислимый галдеж, всячески оскорбляя окончательно растерявшегося парня. Тип, сидевший на переднем пассажирском сиденье «Лексуса», высунувшись в окно, в сквернословии изошрялся наиболее ярко.

– ... Ты, баклан тупорылый, мать! – вопил он с осознанием того, что он «крутой», что их трое, тогда как таксист всего один (пассажира в расчет он не брал вообще). – Я тебя ща прямо посреди тротуара поставлю раком!.. Понял, козел педальный!

Понимая, что численный перевес на стороне оголтелого хамья, таксист сидел, понурился и уперев взгляд в панель приборов. Судя по всему, он решил дожидаться, когда трио недоумков, наоравшись, поедет своей дорогой. Но не тут-то было! Хозяин «Лексуса» – крупный тип с квадратным лицом, – выйдя из своей машины, рывком открыл водительскую дверь такси и, схватив водителя за руку, попытался вытащить его, скорее всего, для расправы.

И вот в этот весьма критический момент, прорывав: «Твою дивизию, козлятник смрадный!!!» – из такси вышел Крячко и, решительно подойдя к мордвороту, рывком за плечо отбросил его назад.

Тот, на мгновение ошалев от подобной, как ему подумалось, дерзости, выхватил из кармана кастет и ринулся на презрительно прищурившегося крепыша в потертой кожаной ветровке. Замахнувшись, он со всей силой выбросил кулак вперед, чтобы, нанеся тому удар в переносицу, отправить дерзкого незнакомца в нокаут или даже кому. Но...

На полпути к намеченной им цели предплечье разящей руки наткнулось на умело выставленный защитный блок левой руки незнакомца, после чего правая рука крепыша четко выверенным движением резко согнула его руку в запястье вниз, причинив этим острую, нестерпимую боль. Взвывая, мордворот разжал кулак, и на асфальт брякнулся соскользнувший с пальцев кастет. Отморозок и ахнуть не успел, как крепкие, сильные руки чужака до боли сжали отчего-то вдруг ставшую слабой и беззащитной его кисть. Еще мгновение спустя незнакомец резко крутанулся на месте всем телом, одним рывком вынудив мордворота развернуться к нему спиной и согнуться буквой Г, изобразив собой некое подобие «ласточки».

И сразу же следом за этим последовал мощный пинок, который крепыш от души вцепил по пухлому задку своего противника. Тот, не меняя положения тела, все той же буквой Г вынужденно пробежав несколько шагов, с маху врезался макушкой в ствол старой липы и безмолвно повалился на землю.

Вся эта схватка заняла не более трех-четырех секунд. Поэтому ставшие зрителями спонтанного силового блиц-представления и таксист, и «кореша» отправленного «в нирвану» мордворота все это время созерцали происходящее, застыв, подобно восковым фигурам музея мадам Тюссо. Лишь когда верзила, издав хрюкающий звук, повалился на тротуар, его приятели эдакими бодренькими петушками тоже вылетели из машины, прихватив с собой один – нунчаки, другой – травматический пистолет «Оса».

Вероятнее всего, они полагали, что сразу два озлобленных недоумка, «заточенных» на тупую молотью, где побеждают не умением, а числом, гораздо эффективнее только что побитого раскормленного хамла, пусть и весьма крупного размера. Однако последовавшая за этим не менее короткая, но столь же ожесточенная схватка немедленно убедила их в обратном.

Резко уйдя с линии выстрела «травмата», Крячко ринулся на рыжевато-лысоватого, долгоязого, длиннорукого парнягу. Мощным толчком ног он подбросил себя вверх и вперед, подошвой правого ботинка в прыжке припечатал по физиономии незадачливого стрелка. Раскинув руки и выронив оружие, тот плашмя брякнулся на спину, с мучительным стоном выгнувшись вверх. Видимо, его почки в этот момент получили не самую комфортную встряску от соприкосновения спины с асфальтом.

Обладатель нунчаков – тот самый тип, что угрожал таксисту извращенческой расправой, выписывая перед собой замысловатые махи угрожающе посвистывающим в воздухе оружием японских ниндзя, оказался противником куда более сильным, нежели два его приятеля. В последний миг, с трудом увернувшись от коварного удара, нацеленного ему в темя, Станислав отпрянул назад и, оказавшись на открытом пространстве, теперь уже сам ринулся в атаку.

Уловив начало движения руки с нунчаками, он выполнил вертикальный нырок, совместив его с проведением старинного приема казачьих разведчиков-пластунов. Стремительно сев на «пистолет» и при этом крутанувшись влево на носке левой ноги, он подбил опорную ногу противника, и тот, потеряв равновесие, плюхнулся на землю. Когда обладатель нунчаков всего секунду спустя вскочил на ноги, его противник, уже успевший выпрямиться и изготавиться, провел свирепую атаку, не позволив «ниндзя» даже замахнуться. Два прямых, мастерских кросса в нижнюю челюсть и переносицу обрушили того на асфальт, обратив в тряпичную куклу, неспособную даже шелохнуться.

– Вот это ни хрена себе! – только и смог произнести таксист, когда его пассажир как ни в чем не бывало сел на свое место и коротко скомандовал:

– Ходу! А то опоздаю!

– Да, конечно, конечно! – закивал парень, включая передачу и давая газу. – Спасибо вам огромное. Вы служите в спецназе?

– В угрозыске... – усмехнувшись, ответил Крячко.

– Потрясающе! – Видимо, все еще переживая перипетии недавней, не самой приятной встречи с дорожными отморозками, шофер знобко передернул плечами. – Редкостные уроды! Знаете, меня однажды двое таких подонков избили до синяков, хотя виноваты были сами. Думал, что и эти отметелят. Вы меня здорово выручили. Еще раз спасибо!

– Да будет тебе... – усмехнувшись, отмахнулся Стас. – Не стоит благодарностей. А ты бы не так сделал, если бы имел возможность? Так-то вот. Случись, однажды кого-нибудь тоже выручишь – значит, и будем с тобой квиты. Кстати! Если эти недоумки запомнили твой номер и надумают жаловаться, то...

– Вас я не сдам, пусть хоть пытаются! – перебив Крячко, решительно объявил таксист.

– Как говаривал мой дед, не лезь наперед батьки в пекло! – усмехнувшись, предупреждающе поднял палец Стас. – Я еще не договорил. Так вот, если тебя спросят, куда меня доставил, можешь смело сказать, что в Домодедово. Это было бы даже желательно, чтобы они меня там нашли. Тут с ними возиться времени никакого. А там можно будет «упаковать» как полагаются – с чувством, с толком, с расстановкой. Так что, считай, это мое персональное задание. Справишься?

– Как скажете! – понимающе кивнул шофер. – Да, нечасто бывают такие приключения...

Расчет Станислава оправдался полностью. Он даже не ожидал, что его отыщут так быстро. Глядя в упор на окончательно раскисшего «ниндзя», он жестко поинтересовался:

– А остальные где? Чего молчишь-то?

– В больничке... – недовольно кривясь, ответил тот. – У одного сотрясение мозга, у другого ушиб позвоночника. – И со значением в голосе добавил: – На статью, кстати, тянет, по тяжким телесным...

Крячко в ответ лишь рассмеялся.

– Это точно! На статью тянет, и очень серьезную. За ношение оружия, запрещенного соответствующим законом, за злостное хулиганство, за нападение на сотрудника угрозыска. По совокупности отмотают – мама не горюй!

– На «Осу» документы в порядке! – явно начиная впадать в паническую истерику, поспешил уведомить «ниндзя».

– А кастет и нунчаки? – Стас не спеша расстегнул «молнию» своей сумки и достал оттуда пластиковый пакет, в котором лежали все три предмета вооружений, захваченные им с места столкновения. – На них тоже есть документы?

Его оппонент сразу же прикусил язык, затравленно озираясь по сторонам. Как видно, решив хоть как-то облегчить судьбу своего жалобщика, лейтенант, приглушив голос, доверительно сообщил:

– Товарищ полковник, но, может быть, к этим гражданам можно было бы отнестись немного помягче? Все же они наши бывшие коллеги...

– Что-о-о?! – Услышав последний пассаж, Гуров упер руки в бока. – Ничего себе новости! И за что же вас, голубчики, выставили из органов? – Он в упор посмотрел на скисшего «ниндзя», который одарил лейтенанта взглядом, исполненным злобливой обидой.

Тот, как видно, уже поняв, что зря попытался «подстелить соломки», громко засопел и надвинул служебное кепи до самых бровей.

– Ну, мы же все живые люди... – кривясь и морщась, неохотно заговорил «ниндзя». – И над нами тоже есть живые люди. А о «вертикали коллегиальной поддержки» вы наверняка знаете не хуже меня. Ну, вот нам и приходилось в рамках функционирования этой самой «вертикали» производить определенные материальные сборы и... Ну, остальное, думаю, и так понятно. Я могу быть свободен? У меня к данному господину претензий нет, – указал он в сторону Крячко.

Сурово усмехнувшись, Лев окинул его изучающим взглядом и, отрицательно качнув головой, с оттенком сарказма уведомил:

– Зато у меня к вам, всем троим, претензии есть! И очень серьезные. Думаю, вам все же придется познакомиться кое с кем из оперативных сотрудников нашего Главка. Станислав Васильевич, звякни-ка Петру Николаевичу, пусть снарядит сюда пару человек из практикантов. Можно Данилова и Муравьева, – добавил он, обернувшись к Стасу.

– Уже! – безмятежно улыбнувшись, объявил тот. – Я еще когда только подъезжал, заранее позвонил в Главк. И приедут сюда сейчас именно Данилов и Муравьев.

Растерянно переводя взгляд с одного полковника на другого, лейтенант, заикаясь, робко проблеял:

– Тов-варищи... Гос-спода... А нас-то с Генкой... То есть с сержантом, з-за что?!..

– Вообще-то, говоря о троих задержанных, я имел в виду участников стычки. Но, по совести сказать, есть вопросы и к вам двоим. – Гуров говорил неспешно, однако в его голосе явственно звучали металлические нотки. – Я видел, как вы себя вели в самом начале, и это у меня вызывает серьезные сомнения в том, что вы служите закону, а не своим паханам при погонах и не своим собственным шкурным интересам. С вами тоже поработают сотрудники собственной безопасности. Мы об этом позаботимся.

– О! А вот и наши прибыли! – сообщил Крячко, обернувшись к входу в зал ожидания.

К ним ускоренным шагом направлялись майор Данилов и капитан Муравьев, сопровождаемые двумя спецназовцами в камуфляже и с автоматами. Их появление мгновенно повергло и «ниндзя», и летеху с сержантом в меланхолию и уныние...

Глава 2

В аэропорту Среднедонска гостей из Москвы встретил представитель здешнего областного УВД – молодежавый подполковник в новенькой форме. Изобразив приветливую улыбку, встречающий, назвавшийся Виктором Песчанцевым, уведомил, что «уважаемых коллег» здесь ждали еще вчера. Но очень рады тому, что они все же прибыли, пусть и сегодня. Ответив на приветствие, Лев окинул подполковника изучающим взглядом. Что-то в его словах показалось исполненным некоторого лукавства.

– Это очень приятно, что нашему прибытию коллеги рады, хотя я сам, признаюсь честно, в подобной ситуации воспринял бы приезд столичных снобов без особого восторга... – направляясь вместе со встречающим к стоянке служебного автотранспорта, невозмутимо резюмировал Гуров.

Это суждение Песчанцева несколько огорошило. Его лицо чуть вытянулось, и он, издав недоуменное «гм!», осторожно поинтересовался:

– Простите! По поводу снобов – как... прикажете понимать?

– Обыкновенно! – шагая по ступенькам, сложенным из серо-розовых каменных плит, чуть пожал плечами Лев. – В том смысле и содержании данного слова, какое оно имеет в русском языке. Ну, что уж там дипломатничать-то?! Это факт общеизвестный – в регионах издавна всякого, прибывшего из столицы, и считали и всегда будут считать завзятым снобом. Что уж прятать голову в песок? Да знаем мы все это. Это нормальная, естественная реакция людей менее оплачиваемых на появление тех, у кого и зарплата выше, и льгот побольше. Особенно, учитывая, что они еще никак не успели проявить себя в конкретных, местных условиях.

– Это факт! – жизнерадостно ухмыльнувшись, Станислав охотно подхватил тему, начатую приятелем. – У вас тут уже наверняка все знают: приедут некие офигенные «гуру», очень высокого о себе мнения, чтобы начать с ходу творить чудеса. Я прав? – Он с интересом посмотрел на майора.

Тот, поняв, что гости мгновенно «просекли» его некоторые внутренние настроения, смущенно закашлялся.

– Ведь ждут же этого от нас? – хитро подмигнул ему Крячко. – Ждут, ждут... А зря! Чудес не ожидается. Мы не фокусники, не факиры, а всего лишь опера. В своей работе мы всегда опираемся на местные кадры. А это значит что? И удача, и неудача – это не только наше, персональное... Нет! Это и ваше тоже. Вот такая, понимаете ли, петрушка получается.

На сей раз подполковник издал «гм!» уже другим, удивленно-деловитым тоном.

– Ну-у... Конечно, в целом вы правы – далеко не все испытывают восторг от прибытия столичных гостей. Но я бы и не сказал, что у нас так уж яро не любят представителей Москвы. Вы, я вижу, люди и в самом деле бывалые. Я слышал, вам доводилось работать и за рубежом?

На этот вопрос гости отреагировали по-разному. Лев сдержанно кивнул, а Крячко коротко рассмеялся, словно вспомнил что-то очень забавное.

– Ну, не без того... – деловито подтвердил Гуров. – Да, действительно, нам со Станиславом Васильевичем довелось поработать на территории Англии, на Атлантике во время международного кризиса, на Сицилии... Правда, все это было в основном, скажем так, вынужденной самодеятельностью.

– И как же иностранцы реагировали на вашу работу? – любопытствовал Песчанцев.

– В общем-то позитивно. – Лев говорил спокойно и уверенно, однако в его голосе ощущалась затаенная нотка какой-то непонятной ностальгии. – Тем более что, к счастью, сработать удалось без проколов. Там ведь точно так же, как и у нас, уважается только успех. Какие-то помехи и обстоятельства никого не волнуют. Императив один: дай результат любой ценой. Так что уронить честь отечественной школы уголовного сыска мы не имели никакого права.

– Да-а-а! Слава богу, в подобной ситуации я еще ни разу не оказывался... – понимающе рассмеялся Песчанцев.

Достав из кармана запиликавший телефон, он что-то однозначно ответил звонившему и, с недовольной миной сунув его в карман, досадливо пояснил:

– «Домашнее политбюро» напоминает, что сегодня надо вернуться пораньше, поскольку у моей «любимой» тещи день рождения.

– А-а-а! Ну так давайте поскорее покончим с нашими делами и отпустим вас, – великодушно предложил Гуров. – Собственно говоря, мы и сами можем добраться в любую точку вашей области. Как говорится, не впервой!

– Ой, нет, нет! Вас сама судьба послала, чтобы избавить меня от этих посиделок... – Жестом руки подполковник пригласил садиться в белую «Ауди», за рулем которой сидел водитель с погонами рядового. – Это жена хочет меня с собой туда потащить. Хотя для тещи, если я не приеду, это станет настоящим подарком. Так почему бы его не сделать?!

Опера, смеясь, загрузили дорожные сумки в багажник и расположились в кабине. Машина помчалась по трассе в сторону Среднедонска, а Песчанцев продолжил:

– Если честно, то на вашем месте мне оказаться не хотелось бы. Дело о Брутах, как я уже мог убедиться лично, – стопроцентный висяк, без малейшего намека на хоть какие-то шансы быть раскрытым. Там заморочка на заморочке! Можно мозги свихнуть.

Глядя в окно на приближающиеся кварталы Среднедонска, Лев поинтересовался:

– И самая главная из них?

– Полное отсутствие хоть каких-нибудь следов. Ни-че-го! Ни отпечатка пальца, ни следа обуви, ни волоса для генетической экспертизы, ни тем более орудия преступления... О свидетелях и вовсе говорить не приходится. Их нет! – Подполковник широко, насколько это позволяла кабина, развел руками. – Произошло три убийства. Опера, что называется, по каждому из них рыли землю на три метра в глубину. На коленках все обползали, каждую былинку перебрали – ни единой зацепки. Пропали без вести четыре человека. Тут вообще – ноль информации.

– Я так понимаю, чего-то общего между убитыми и пропавшими установить не удалось? – уточнил Крячко.

– Вот именно! – стукнул себя кулаком по коленке Песчанцев. – Здесь вообще никакого намека даже на самую отдаленную системность и какие-либо привязки.

По его словам, каких-либо аналогий по полу, возрасту, внешности, одежде, родственным связям, профессии, наличию тех или иных заболеваний, участию в общественной деятельности и многому другому выявлено не было... Брали во внимание даже количество, виды и масть животины на подворье, в какой-то момент появилось предположение, что на хуторе орудует некий мстительный параноик, убивающий, допустим, тех, у кого корова черная или бурая. Или, например, по признаку того, какой породы дворовая собака – дворняжка или овчарка.

Но даже самое тщательное изучение, в том числе и каких-либо экзотических жизненных обстоятельств, чего-то общего между потерпевшими установить не позволило. Местные сыщики, даже приблизительно не зная, «от какой печки плясать», оказались в глухом тупике.

– ...Это в некоторой мере напоминает ситуацию девяностых, когда по Ростовщине ловили Чикатило, – в голосе подполковника зазвучали нотки горечи. – Это была, я вам скажу, прямо-таки настоящая дьявольщина! Нет, в самом деле! Я тогда еще курсантом был, но помню, как будто все это случилось буквально вчера. Какие бы ни организовывали ему ловушки, какие бы ни ставили, условно говоря, капканы – все впустую. Он как будто чувствовал их на расстоянии! А Оноприенко на Украине? Это же вообще был сущий дьявол! Когда он ночью входил в деревню, все собаки начинали выть.

Некоторое время в салоне машины был слышен только приглушенный гул мотора и шорох колес, бегущих по асфальту.

– Скажите, а экстрасенсов подключить не пытались? – спросил Станислав с таким видом, словно сам только тем и занимался, что каждый день подключал экстрасенсов к расследованию.

– Да все уже перепробовали, – с досадой в голосе ответил подполковник. – И экстрасенсов, и гадалок – негласно, конечно! – приглашали к сотрудничеству. Ну, результат тут был какой? Часть этой оккультной братии несла ахиною, даже близко не соответствующую реальным обстоятельствам происшедшего. Другая часть, только взявшись, тут же отказывалась от работы. По их словам, информация заблокирована какой-то непонятной силой. Ну, в мистике я не силен. Может, это и в самом деле имеет место быть, а может, просто люди дурака валяют, ищут удобные отмазки. Кстати, протоколы сеансов с участием всех этих «просветленных» есть в деле, можете ознакомиться. Ну а вот вы сами, так сказать, навскидку, что думаете о подоплеке наших ЧП?

– Пока с выводами и предположениями спешить не будем, – сдержанно улыбнулся Лев, – но полное отсутствие следов и улик наводит на кое-какие серьезные размышления. Согласитесь, полное отсутствие следов – это уже в известной мере, след. Пусть и чисто условный.

– То есть отсутствие улик – уже улика, вы хотите сказать? – вопросительно посмотрел на него Песчанцев.

– Вот именно... – совершенно обыденным тоном подтвердил Гуров. – Да в этом-то ничего особенного и нет. Сами посудите. Если кто-то совершает преступление, особенно, так сказать, по наитию, то не оставить хоть каких-то следов он просто не может. А вот человек, творящий зло таким образом, что и волоска не найти, скорее всего, киллер-профессионал. Но таких не так уж и много. Поэтому есть шанс его вычислить.

– Хм-м... Кстати! – негромко рассмеялся подполковник. – Что-то наподобие я тоже уже предполагал и говорил об этом начальству. Но меня почему-то слушать никто не захотел.

– Обычная история... – понимающе кивнул Крячко. – Подчиненный ничего умного сказать не может уже потому, что он подчиненный. А вы сами в Брутах бывали? Каково ваше личное впечатление о том, что там реально происходило?

Тягостно вздохнув, Песчанцев мрачновато обронил:

– Бывал. Впечатление? В моральном плане хутор напоминает иллюстрацию к триллеру. Особенно при осмотре места убийства. Все три трупа в луже крови, у всех троих на шее глубокий прокус. Выглядит так, словно он выполнен длинными, не менее пяти сантиметров, острыми клыками. Как определили трассологи, изучавшие стенки ран, такой укус собака или иной хищник с вытянутой мордой нанести не мог. Только существо, имеющее челюстной аппарат, аналогичный человеческому.

– То бишь вампир... – утвердительно предположил Станислав. – Но кровь-то ведь не выпита! Значит, это имитация?

– Не исключено... – задумчиво кивнул подполковник и вдруг спросил: – А с кем из нашего руководства вы хотели бы увидеться?

Пожав плечами и взглянув на Крячко, Гуров ответил, что был бы не против встретиться с начальником областного следственного отдела. Песчанцев тут же достал сотовый телефон и, набрав номер, сказал о том, что хотел бы услышать некоего Петра Васильевича. Немного погодя, нажав на кнопку отбоя, он с досадой сообщил, что тот сегодня крайне занят и встретиться никак не может.

В этот момент, свернув в очередной раз, они остановились у здания областного УВД. Выходя из машины, Лев спросил:

– А почему этот хутор называется Бруты? Это что, в честь Брута, убившего Юлия Цезаря, или в честь гоголевского бурсака Хомя Брута?

Песчанцев, хитровато улыбнувшись, охотно подтвердил:

– Вы правы, именно в честь бурсака хутор и назвали.

Неспешно поднимаясь по ступенькам, он рассказал о том, что хутор был основан сыновьями бурсака Хома Брута. Как и большинство бурсаков, будучи далеко не самого благочестивого поведения, Хома имел в пригородной слободке Киева «даму сердца», с которой регулярно встречался. Незадолго до случившегося с ним, о чем Гоголь написал в своем знаменитом рассказе «Вий», женщина родила ему двоих сыновей. Тем же летом Хома Брута не стало.

– ...Я не берусь утверждать, что он погиб именно так, как это описано у классика. Но наверняка что-то похожее с ним и в самом деле произошло, – особо подчеркнул Песчанцев. – Видимо, Николаю Васильевичу фабулу того происшествия кто-то пересказал, а уж он развернул ее в целое повествование.

Как поведал подполковник далее, после жутковатой смерти Хома Брута во время отпевания панночки-ведьмы, мать его сыновей сразу же уехала подальше от Киева и обосновалась в Вильно. А когда парни подросли, то перебралась в Великороссию и поселилась на Дону. Вышла замуж за богатого вдового казака. Он вырастил ее детей, как своих собственных, дал им свою фамилию.

Что это была за фамилия, подполковник не знал. Но слышал, что на деньги отчима парни купили себе земли на берегу Дона и основали там хутор, который назвали по его имени Тарасовским. Однако люди, знавшие их настоящую фамилию, позже его все равно переименовали в Бруты.

– Это все, что мне известно, – заключил Песчанцев, открывая свой кабинет и приглашая гостей войти. – Прощу! Сейчас определимся с вашим размещением, транспортным обеспечением и тому подобным.

Вместе с подошедшим к Песчанцеву пожилым полковником, исполнявшим обязанности зама начальника облУВД по хозяйственной части, опера рассмотрели варианты своего дальнейшего пребывания в Среднедонске. Предложение полковника, назвавшегося Анатолием Романовичем, разместиться в областном центре, в одной из губернских гостиниц, или хотя бы в райцентре Краснокуренном, гости отвергли категорически.

– Жить будем в Брутах, и только в Брутах! – объявил Гуров. – Там есть где остановиться? Вот и отлично! За семь верст киселя хлебать не бегают. Мы должны быть на месте. Вдруг опять произойдет что-то наподобие того, что уже было? Кстати, что у нас насчет транспорта?

– Закрепим за вами машину с водителем. Сейчас я созвонюсь с Краснокуренным отделом – раз уж решили жить там, то транспорт пусть выделяют они. Машина будет базироваться в райцентре, но приедет к вам по первому же требованию. – Анатолий Романович вопросительно качнул головой. – Вас так устроит?

– Вполне! – согласился Станислав. – Ну, что, отбываем?

– Да, можем отправляться! – Песчанцев поднялся со своего места.

– В добрый путь! – Протирая очки носовым платком, полковник коротко взглянул в сторону гостей, словно хотел что-то сказать, но внезапно передумал.

Однако Лев это заметил и тут же спросил:

– Вы что-то хотели добавить?

– Нет, ничего особенного... – Анатолий Романович с некоторой заминкой, как бы даже принужденно рассмеялся. – Так, глупость одна. В голову вдруг взбрело спросить: а ехать на хутор Бруты вам не страшно?

– А чего бояться-то? – беззаботно улыбнулся Крячко.

– Ну, теперь в масштабах нашей области это место считается чрезвычайно аномальным, – водрузив на нос очки, пояснил полковник. – Все же, согласитесь, одно дело – приехать туда днем и уехать, скажем, в начале вечера. И совсем другое – остаться там ночевать. М-м? Что скажете?

– Ну, мы опера, а не барышни из Института благородных девиц, – спокойно ответил Станислав. – Скажем, я никак не поклонник оккультизма, мистики и тому подобного. Лев Иванович – тоже. А что, вы думаете, там что-то может угрожать нашей жизни?

– Кстати, Анатолий Романович, а вы не в курсе, что стало с основателями хутора, братьями Брутами? – спросил Песчанцев.

– Да, в курсе. Мне о них один дед из Брутов рассказывал. Я же в тех местах начинал свою работу после школы милиции. Так что наслышан...

В общих словах, повторив уже рассказанное Песчанцевым, полковник отметил, что на первых порах дела у братьев, Мыколы и Демьяна, в их новых владениях пошли хорошо. Поля давали обильный урожай, сады плодоносили, стада множились, деньги прибавлялись. Пришлось даже нанимать батраков. Правда, хлопцы, сменившие отцовскую фамилию Брут на Стременцовы, оказались людьми прижимистыми и не вполне порядочными.

Пользуясь тем, что они похожи как две капли воды, братья, говоря современным языком, «разводили» своих работников. На работу всегда принимал кто-то один из них, а рассчитывал обязательно другой. Придет к ним батрак за расчетом, а денег ему дают вдвое меньше обещанного. Тот начинает возмущаться: «Что ж за обман такой? Ты ж мне обещал десять рублей, а даешь только пять?!» А хозяин в глаза ему смеется: «Так на работу тебя не я принимал, а Мыкола. Только он в отъезде, и когда вернется – только бог ведает. А я, Демьян, ничего не знаю и знать не желаю! Вот, бери, сколько даю. Не хочешь – совсем не бери».

Много они таким манером людей облапошили. И однажды обманули старого деда, который им целое лето пас гусей. Тот старик спорить не стал. Взял, что ему всучили, и объявил: «Как к вам богатство пришло, так и уйдет. Чтоб вас сам Вий к себе забрал!»

И с того часу все у братьев пошло наперекосяк. То скотина падет от моровой язвы, то поля погорят, то саранча налетит, то червь сады сожрет... Поняли братья, что промашку сделали, да как поправишь-то? Старика – где и как найти, чтобы перед ним повиниться и отдать свой должок? Года не прошло, совсем Бруты обнищали.

И тут кто-то им посоветовал (может быть, даже и с умыслом) в ночь на Ивана Купала съездить к Ведьминой балке, где вроде бы зацветает папоротник и открывается богатый клад. А братьям-то деньги – во как были нужны! Они туда и поехали. Запрягли пароконную повозку и вечером отправились за кладом.

Утро настало, а их нет. Жены тревогу забили, поехали в ближнюю станицу к куренному атаману. Тот прислал в подмогу пару казаков. Они-то и нашли у Ведьминой балки повозку с лошадьми. А вот сами братья исчезли так, что и следа от них не осталось. Тут-то все и заговорили, что сам Вий забрал их к себе. Как ни искали пропавших – все без толку.

Тогда женщины продали хутор богатому помещику из соседней губернии, вернее, то, что от него осталось, поделили деньги и с детьми уехали в какие-то другие места. Но предание о том, что с той поры в округе хутора Бруты время от времени происходят всевозможные темные дела, сохранилось до сих пор.

– От того былого хутора сегодня и следа не осталось, – отметил Анатолий Романович. – Как-то ночью он сгорел дотла. Это было еще во времена Крымской войны. Его отстроили, а лет через сорок он снова полыхнул. Во время Великой Отечественной сгорел еще раз. Такие вот тамошние странности и необычности...

Закончив разговоры, Лев и Станислав с Песчанцевым отправились в Краснокурной район. Асфальтированная дорога бежала по холмистой местности, восточнее которой ландшафт переходил в настоящую степь. Слева, при подъеме на холмы, виднелся Дон с высоким правым берегом и относительно пологим левым.

На обоих берегах реки виднелись заросли ивняка, привольно зеленели вербы и осины. Кивком головы указав в сторону Дона, Стас с ностальгическими нотками в голосе констатировал:

– Красиво в наших донских краях...

– А вы тоже с Дона? – удивленно спросил подполковник.

– Корнями отсюда... – кивнул Крячко. – Вот подумываю, как на пенсию выйду, может быть, приеду сюда, чтобы именно здесь прожить свои последние годы.

Слушая их диалог, Лев ничего не сказал и лишь усмехнулся, глядя в окно.

Промчавшись около тридцати километров по трассе, как могли убедиться опера, вполне приличного качества, они увидели вынырнувший из-за холмов и зелени обычный российский райцентр, тысяч на пятьдесят населения. Издалека были видны кварталы пятиэтажек, среди которых виднелись сияющие позолотой купола церквей. Вскоре стали различимы и утопающие в садах, привольно раскинувшиеся на холмах кварталы одноэтажного сектора.

Прибыв в райотдел, располагающийся в старинном купеческом особняке с колоннами на фасаде и сводчатыми окнами, обрамленными фигурной кирпичной кладкой, приятели вместе с Песчанцевым зашли к здешнему полицейскому начальству.

Определившись с начальником ОВД, какая именно машина будет их обслуживать, гости попросили приготовить к завтрашнему дню все незавершенные дела о пропаже и гибели людей.

– Из ваших оперативных сотрудников в Брутах сейчас кто-то есть? – в ходе разговора поинтересовался Гуров.

– Разумеется, нет! – недоуменно пожал плечами майор. – Не знаю, какой смысл держать человека на хуторе, если у нас здесь остро не хватает сотрудников? Участковый там бывает почти ежедневно. Думаю, этого достаточно...

– Понятно... – Лев улыбнулся с оттенком иронии. – Просто перед отъездом из Москвы нам сказали, что на хуторе опера и днюют и ночуют...

– Что вы! Откуда такая роскошь?! – Начальник райотдела сокрушенно отмахнулся. – Нам бы с общерайонной текучкой разобраться! Спасибо, казачьи дружины выручают. Считаю, половину криминала, от бытового до уличного, пресекают на корню. А без них мы бы зашились по самые уши!

Разыскав в гараже райотдела прапорщика, отвечавшего за автопарк, сыщики обговорили с ним те или иные моменты, связанные с выделением дежурного транспорта, и сразу отправились дальше, на хутор Бруты.

Отмотав еще около тридцати километров мимо нескольких поселков и станиц, они увидели справа от себя на холмистом возвышении странный, умерший лес, вздымающийся к небу голые, выбеленные временем сучья. Окидывая это мрачноватое место удивленным взглядом, Стас кивнул в его сторону и пробормотал что-то наподобие: «Ну, твою дивизию, и местечко «развеселое»!..»

– Что вы говорите? – обернулся к нему Песчанцев.

– Да говорю, это-то что за «джунгли» сухостойного формата?

Взглянув на деревья, подполковник наморщил лоб и хмуро проговорил:

– Это и есть то самое заброшенное кладбище, с которого, по уверениям местных жителей, к ним приходят, скажем так, inferнальные создания. Дальше, за бугром, долина, где когда-то был хутор Мельничный. Что интересно, мельниц там ни одной не было сроду. Лет пятнадцать назад умер последний из проживавших на хуторе – дед лет восьмидесяти. На этом кладбище его и похоронили. Кстати, именно на его могиле кто-то из местных вечерней порой видел бегущие по ней загадочные огоньки.

– Да-а? – Стас азартно прищурился. – А что? Занятно. Давайте-ка, пока еще светло, сходим поглядим, что за кладбищенская иллюминация может там быть?

– Вы серьезно? – недоуменно похлопал глазами Песчанцев. – Вы хотите осмотреть погост чисто из любопытства или рассчитываете найти что-то дельное, что могло бы пригодиться в рамках вашего будущего расследования?

– Любознательность сыщика – не прихоть, а важное профессиональное качество, являющееся залогом его успешной работы, – величественно изрек Станислав. – Так что, Виктор Дмитриевич, речь не о праздном, а о сугубо деловом интересе.

– Ну, давайте зайдем, посмотрим, – согласился тот и отдал шоферу распоряжение остановиться.

Они вышли из машины и, почти по пояс утопая в разросшихся бурьянах и кустарниках, зашагали в сторону стены кладбищенского сухостоя. Указав взглядом на мертвый лес, Гуров поинтересовался:

– А с насаждениями что стряслось? Они-то чего высохли?

– Точно не знает никто, но деревья начали погибать лет десять назад, – продираясь через заросли, пояснил Песчанцев.

Сначала, по его словам, пожелтели одни лишь верхушки. Через год кроны пожелтели уже на треть. А лет пять назад деревья стояли полностью сухими. Позже с них облезла и осыпалась кора, некоторые из деревьев даже уже начали падать. Бывший агроном с Мельничного как-то рассказывал, что в конце девяностых, когда еще был жив колхоз, наняли «кукурузник» опрыскать поля гербицидами. Но случилось так, что аэродромные заправщики, будучи с «бодуна», залили в емкости самолета слишком крепкий раствор химиката. А «летуны», как ни странно, тоже оказались им под стать – перед вылетом изрядно перебрали, из-за чего вместо поля несколько раз подряд опрыскали сельское кладбище.

Тем летом листья с деревьев осыпались сразу. Но на следующий год деревья снова, хоть и не полностью, но зазеленели. Однако гербицид, уйдя в землю, постепенно убил корни, и в конце концов тополя погибли.

– Правда, местные, понятное дело, случившееся приписывают действию нечистой силы, – смеясь, добавил подполковник. – Мол, на погосте завелось что-то страшное, пришедшее с того света, из-за чего деревья и посохли. Я как-то брутовцам сказал, что на кладбище в основном растет осина, которая с точки зрения эзотерики никакой нечисти не боится. Наоборот! Нечисть боится ее саму. Не-е-т! Как талдычили про каких-то михрюнчиков и закусяк, так и талдычат.

– А это что за звери такие? – перепрыгивая через скрытые травой рытвины, спросил Станислав. – Ну-у... Как вы их там назвали? Мизюнчики и пупусяки, что ли?

– Михрюнчики и закусяки, по тутошним поверьям, это что-то наподобие разновидностей гномов. Вообще даже не представляю, с какого лиха могли появиться подобные небылицы? Кто все это придумал, откуда взял? Мне как-то говорили, что михрюнчики и закусяки вроде бы живут в холмах, обожают овраги и старые кладбища. Они – персонажи мифологии некоего древнего народа, который называется лытами. Тут, в общем, хочешь – верь, а хочешь – нет...

Согласившись, что фантазия у сочинителей подобных сказок весьма богатая, опера перешагнули через уже почти рассыпавшуюся ветхую деревянную изгородь и продолжили свой путь по столь же заросшей территории кладбища.

– Лыты... Не лыком шиты, – нарушив установившееся на несколько мгновений молчание, в рифму сострил Крячко. – Может, от них и пошло слово «лытаться»? Ну, помните же сказку про то, как некий Иван-царевич пришел к Бабе-яге за советом, а она ему с порога: «Чего приперся? Дела пытаешь или от дела лытаешь?» Или не читали в школе?

– Читали, читали... – обронил Гуров, озирая погост, донельзя запущенный, утопающий в траве и тополевым подросте.

Незавидно смотрелось большинство уже облупившихся и покосившихся деревянных крестов и оградок у могил. Да и большая часть памятных могильных знаков, сработанных из металла, являли собой столь же облупившиеся и покосившиеся ржавоватые «тумбочки», сваренные из толстого листового железа. И лишь изредка встречались каменныеobelisks, сработанные «под мрамор». Но и они несли на себе отпечаток заброшенности и забвения.

Опера и их сопровождающий, выписывая зигзаги по лабиринту замысловатых кладбищенских тропинок, углубились к центру погоста. Здесь, к их удивлению, обнаружился пятачок относительно ухоженной территории, где часть могил была в довольно приличном состоянии. Оградки и памятники стояли ровно, дерево и железо были покрашены, камень отмыт, холмики подровнены, трава на них выщипана...

– Ну, вот, – одобрительно резюмировал подполковник, – совсем другое дело! Все-таки не все беспамятные, все-таки есть и те, что своих близких не забывают.

Приятельно согласились, что забвение своих усопших – дело весьма нехорошее. Однако главное свое внимание они прежде всего уделили возможным следам пребывания людей, которые к безмолвным обитателям погоста никакого отношения не имели. Исходив посыпанные песком тропинки между оградками, Лев и Станислав с досадой были вынуждены признать, что здесь по части возможных уликов – «полный голяк».

Пройдя чуть дальше, за большой чахловатый куст давно отцветшей сирени, Лев огляделся по сторонам и, заметив полосу примятого бурьяна, тянущегося к дальнему краю кладбища, направился в том направлении. Как он и ожидал, это была основательно заросшая тропа, ведущая к старым воротам, которые едва различались в просветах между деревьями. По ней, следовало понимать, сюда и приходили родственники усопших. Сказав Стасу, что пойдет взглянуть на ворота, он неспешно зашагал дальше, продолжая осматривать и саму тропку, и прилегающую к ней территорию.

Заметив у себя под ногами что-то белое, лежавшее в траве, Лев раздвинул стебли и увидел давнишний окурок. Даже на первый взгляд было видно, что валяется он здесь минимум месяца два, а то и три. Продолжив путь, уже на подходе к воротам он заметил еще один окурок. Этой же находке, на взгляд, не более пары недель. Гуров достал из кармана полиэтиленовый пакетик, обломив две сухие травинки и держа их в пальцах, аккуратно подобрал свою находку и бросил ее в пакетик.

Он с трудом открыл створку дряхлых, рассыпающихся ворот с проржавевшими навесными петлями и вышел на простирающуюся перед ними лужайку с давнишними следами автомобильных колес, едва заметными из-за разросшейся травы. Здесь тоже размытые следы протектора говорили о том, что последний раз машины сюда подъезжали как бы не в середине весны, незадолго до Пасхи.

Пройдя чуть дальше, Лев неожиданно обнаружил, что к воротам тянется еще один автомобильный след, сразу им не замеченный, поскольку обрывается за стеной высоченного чертополоха в полусотне метров от них. Какая-то легковая машина с достаточно высоким клиренсом, наподобие «Нивы», подруливала к погосту, причем не со стороны трассы, как все прочие, а со стороны заброшенного хутора.

Это Гурову показалось любопытным. Тем более что след выглядел относительно свежим, во всяком случае, проложенным не более двух-трех недель назад. Он обогнул чертополох и по высокой, жесткой, как проволока, траве зашагал к месту остановки автомобиля. Его ожидания оправдались – там, где должен был находиться мотор машины, темнели несколько пятен масла, видимо, просочившегося через сальники двигателя.

Он пошарил в карманах и, найдя еще один полиэтиленовый пакетик, подобрал валявшийся на земле осколок бутылочного стекла и набрал немного грунта, пропитанного смазкой. В перспективе это могло пригодиться для идентификации автомобиля. Еще раз обойдя эту территорию и не найдя ничего стоящего, он закрыл ворота и отправился обратно.

Шагая по той же тропинке, Лев вдруг услышал, как откуда-то сверху неожиданно донеслось громкое: «Кар-р-р!..» Подняв голову, он увидел крупную серую ворону, сидевшую на сухом осокоре и круглой бусиной глаза взиравшего на человека, вторгшегося в ее владения. Окинув взглядом пройдошливую стервятницу, Лев рассмеялся и спросил, словно обращаясь к разумному существу:

– А ты и в самом деле ворона, или, может быть, душа какой-нибудь ведьмы?

Птица неожиданно встрепенулась, снова издала чуть обиженное «Кар-р-р!..» и, взмахнув крыльями, неспешно полетела прочь. Проводив ее удивленным взглядом, Гуров не мог не отметить: «Ну, надо же! Прямо как будто даже оскорбилась, что заподозрил в ней усопшую ведьму. Ну, дела-а!..»

Вернувшись назад, он застал Стаса и Песчанцева за жарким спором, смысл которого сводился к тому, сколь эффективным может быть сегодня шерлок-холмсовский метод дедукции в деле раскрытия запутанных преступлений. И если подполковник объявлял данную методу универсальной на все времена, то Крячко считал дедукцию не более чем вспомогательным элементом в общем ряду множества других. Попытки обоих спорщиков с ходу перетянуть Льва на свою сторону оказались безуспешными. Отмахнувшись, Гуров поморщился и иронично спросил у Стаса:

– Вы что, все это время стояли и спорили? Обалдеть! Поди, всех покойников перебудили. Лучше бы походили, поискали какие-нибудь улики.

– Сам-то хоть что-то нашел? – язвительно парировал тот.

– Есть кое-что, – невозмутимо произнес Гуров, доставая из кармана оба пакетика. – Вот, относительно свежий окуроч, есть смазочное масло, впитавшееся в землю. И тому, и другому примерно недели две, не более. Конечно, надеяться на то, что это поможет установить, кто тут был и что делал, было бы наивным, но сам факт обнаружения этих объектов говорит о том, что кое-какая жизнь тут имеет место быть. А это что означает?

– Что? – Крячко и Песчанцев, обернувшись в его сторону, озадаченно примолкли.

– Что не такое уж это кладбище и заброшенное, не такое уж оно и безлюдное. А ведь именно отсюда к хутору тянется всякая нечистая сила. Верно? – Лев внимательно посмотрел на подполковника.

Тот, смущенно улыбнувшись, чуть развел руками:

– Ну... Если брать во внимание версии местных жителей, то... Вы совершенно правы.

– То-то же! – кивнул Лев и, подняв вверх оба пакетика, посмотрел сквозь них на солнце, уже почти коснувшееся горизонта. – Виктор Дмитриевич, я передаю свои находки вам, чтобы криминалисты УВД выжали из окурка и масла все, что только можно. По максимуму! Конечно, рассчитывать на то, что на окурке до сих пор сохранился биологический материал, пригодный для генетической «дактилоскопии», не приходится. Сколько за эти дни прошло дождей?

– Да как минимум три... – наморщив лоб, припомнил подполковник.

– Вот! Дождь – это, в немалом числе случаев, стопроцентный пособник всевозможных преступников и злодеев. Правда, иногда он помогает и нам. Помните, как по цвету грязи обозначаемый вами Шерлок Холмс определял, из какого района Лондона прибыл к нему визитер? – с оттенком иронии взглянул он на Песчанцева.

– Да, да! – поспешил согласиться тот. – В моей практике был случай, когда убийцу удалось уличить именно благодаря дождю. Он уверял, что весь день безвылазно просидел дома, а наш эксперт в ткани его куртки сумел установить наличие дождевой влаги, хотя на вид она была совершенно сухая. Ну, мы здесь как бы уже закончили? Можем ехать дальше?

– Да, конечно! – ответил Лев и зашагал к ограждению по уже примятому ими бурьяну.

– А вот мне дождь однажды помог... – заговорил было Стас, но его перебило все то же воронье «Кар-р-р!..».

– А-а-а, старая знакомая! – остановившись, от души рассмеялся Гуров. – Чего раскаркалась-то?

– А с каких это пор ты с ней знаком? – недоуменно прищурился Крячко.

– С тех самых, как ходил к воротам. – Лев насмешливо посмотрел на приятеля. – У вас же была столь жаркая дискуссия, что вы, похоже, вообще ничего не видели и не слышали. Анекдотичный момент. Она мне вот точно так же каркнула, и я ее спросил, не душа ли она

усопшей ведьмы. Так, представляете, обиделась, обделала дерево и улетела. Но вот зачем-то вернулась...

– Да-а, правильно сказал один философ: как хорошо, что коровы не летают... – хохотнул Станислав. – А ты – нечего тут нам неудачу накаркивать. Кыш, зараза! – Он подобрал с земли сучок и запустил в горластую настыру.

Вновь возмущенно каркнув, ворона сорвалась с дерева и полетела куда-то прочь.

– Интересно... – глядя ей вслед, задумчиво спросил Песчанцев. – Она, вообще, какого хрена тут делала? Гнезда вороньего не видно ни одного. Поневоле заподозришь реальность переселения душ...

– Да бросьте вы! – зашагав в сторону машины, махнул рукой Лев. – Какое там переселение душ?! Здесь же кладбище? Вот! А люди, когда приходят поминать, что после себя оставляют?

– А-а-а! – засмеялся подполковник. – Точно! Лев Иванович, как говорят, снимаю шляпу. Как-то сразу и не сообразил, что она тут постоянно насчет харчей промышляет. Они ж умные твари, эти серые вороны. Видимо, заметила, если на кладбище появились люди, значит, останется пожива. Только вот сегодня ее надежды, увы, не оправдались...

Они сели в «Ауди», и машина снова продолжила путь. Прибавляя газу, шофер со смехом сообщил:

– Представляете, пока вас не было, мимо меня в обе стороны проскочило машин пять или шесть. И все так тарасились в мою сторону, иные даже притормаживали, чтобы получше разглядеть. Даже жалко стало, что нет с собой какой-нибудь маски-страшилки. Можно было бы приколоться!

– А кстати, они у вас тут где-нибудь продаются? – спросил Лев, усаживаясь поудобнее.

– Да, есть... В Среднедонске, неподалеку от железнодорожного вокзала, я как-то видел магазинчик «Троль и гоблин». Там, говорят, всякую такую хрень продают, типа для розыгрышей. Есть маски упырей и оборотней, отрубленные руки, всякие прибабахи для готов, наподобие сумок в форме гроба, вампирской косметики...

– Очень интересно! – о чем-то размышляя, резюмировал Гуров. – В ближайшее время надо будет туда обязательно заглянуть. Вот, наверное, ты и съездишь... – со значением посмотрел он на Станислава.

– Ты подозреваешь, что все эти привидения и вурдалаки – ряженые в костюмах? – понимающе кивнул тот. – Да, такое запросто может быть.

– То есть на повестке дня стоит вопрос о том, что в Брутах кем-то разыгрывается криминальный спектакль... – Песчанцев потер ладонью лоб. – Согласен, резоны в этом, безусловно, имеются. Но тогда возникает вопрос: ради чего все это затеяно? Ведь произошли реальные убийства, реальные исчезновения людей. Это на шутку никак не тянет. Это уже черт знает что! Некие отморозки, маскируясь под таких вот мифических чудовищ, с какой-то непонятной целью совершают настоящие кровавые преступления. В таком случае не исключено, что у всего этого есть и некий заказчик.

– Совершенно верно. И когда мы будем знать ответ на этот вопрос, раскрыть дело сможем в два счета, – ответил Лев, глядя на приближающиеся из-за лесистого холма крыши Брутов.

– Кстати, молодой человек, о шутках! – заговорил Станислав, тронув водителя за плечо. – Если вдруг появилось желание кого-нибудь просто так напугать страшной маской, то надо иметь в виду, что подобные шутки закончиться могут очень печально. И для жертвы, и для самого шутника. Знаю я такие случаи... Внук бабушку пугнул – у нее сердце не выдержало, умерла на месте. Сосед хотел в шутку пугнуть соседа, а тот был «под газом», нес в руке молоко и с перепугу шутника так по «куполу» шандарахнул, что того еле отходили в реанимации. Поэтому, как говорится, шути, да не зашучивайся!..

Смущенно закашлявшись, водитель покосился в его сторону и, ничего не ответив, лишь мотнул головой.

Глава 3

Сворачивая с трассы на сельскую улицу, сержант вслух продекламировал некрасовские строки:

– Вот моя деревня, вот мой дом родной! А ничего, хутор красивый, – с видом знатока отметил он.

Когда «Ауди» покатила вдоль домов, он взглянул на подполковника и поинтересовался, куда ему ехать дальше.

– Давай к здешней управе, – распорядился тот. – Это прямо по курсу. Там где-то рядом должен жить староста. У него и спросим, куда и к кому нам двинуть насчет постоя.

Староста, рослый, крепкий мужчина в годах, с черной бородкой и усами, оказался дома. Выслушав визитеров, он пообещал «что-нибудь придумать». Достав сотовый и отойдя в сторонку, сделал несколько звонков, после чего объявил, что взять новоприбывших на постой может его дальняя родственница. Она уже несколько лет живет одна – муж умер, дети разъехались, а дом просторный, «хоть в футбол играй». Впрочем, староста сразу же предупредил, что с каждого Раиса Григорьевна берет за сутки постоя по «сто пьсят рублей».

– Это – если без харчей! – особо уточнил он. – А ежели с харчами, то-о-о...

Он глубоко задумался, как видно, опасаясь и продешевить, и отпугнуть потенциальных клиентов, заломив слишком большую сумму.

– С двоих тысячи за сутки постоя хватит? – простецки поинтересовался Гуров.

– Э-э-э... – похлопав глазами, растерянно протянул «мэр» хутора. – А чего ж не хватит-то?! Хватит! Все, все, все! Едем, едем!

– А ехать-то далеко? – с ироничной усмешкой спросил Станислав.

– Да где там! Вон дом белый за синими воротами! – Староста указал рукой на весьма немаленький «курень» метрах в ста пятидесяти от них, высившийся в окружении вишен.

– Ну, и чего туда ехать, если можно пешком дойти? – резонно заметил Крячко.

Они со Львом достали свои сумки и, попрощавшись с Песчанцевым, следом за хуторским «мэром» зашагали к своему здешнему обиталищу. Уезжая, подполковник попросил их быть на связи и, «если что», обращаться немедленно, гарантируя все возможное содействие.

Хозяйка дома – монастырского вида пенсионерка за семьдесят, с суровым, изучающим взглядом встретила гостей у ворот. Позади нее, тцась сорваться с цепи, прыгал лопухий горластый пес. Сдержанно представившись, Раиса Григорьевна предложила пройти в «апартаменты». Опера проследовали за ней в аккуратно прибранный, неплохо для хутора обставленный «курень». Открыв дверь в просторную комнату со столом, стульями, шифоньером, двумя койками и телевизором, хозяйка молчаливым жестом пригласила их пройти туда. В «красном» углу, на красиво сработанной полочке, стояли несколько старинных икон, украшенных вышитыми рушниками.

– Вот такой «Хилтон» вас устроит? – спросила она, окинув помещение критичным взглядом.

Уважительно глянув на бабулю, свободно произносящую «апартаменты» и «Хилтон», гости заверили, что о лучшем и мечтать не могли. Уплатив сразу за несколько дней вперед, приятели начали располагаться на новом месте. Включив местный телеканал, они распаковывали вещи, обсуждая планы на завтра.

С утра к ним обещал подойти староста, чтобы персонально проводить к каждому из тех, с кем опера планировали поговорить (родственники погибших и пропавших без вести, очевидцы странных явлений и т. д.). Кроме того, приятелями была намечена поездка в райотдел для ознакомления с висяками. Одновременно с этим определили, что обязательно нужно будет встретиться с мальчиком, спасшимся от тех, кого он принял за вурдалаков. По предположению

Стаса, не лишним было бы съездить и на руины Мельничного – вдруг там удастся увидеть что-то дельное? Гуров с ним согласился полностью – он и сам обдумывал подобный вариант еще во время обхода кладбища. Вот только завтра с этим вряд ли что получится – где на все эти дела набраться времени? Дай бог, хотя бы с половиной намеченного управиться.

После короткого стука в дверь в комнату заглянула Раиса Григорьевна и пригласила к столу. Стол оказался сугубо деревенским и весьма обильным. Помимо отменных щей со свиной и жареного карпа, постояльцам было предложено свежее молоко и сотовый мед. Крячко, как завзятый любитель «повеселиться, а особенно поесть», издав преисполненное восхищения «Ух, ты!», немедленно вооружился ложкой.

По достоинству оценив предложенное изобилие, опера приступили к трапезе, оценивая ее в превосходительных тонах. Впрочем, не забывали они и о том главном, ради чего сюда приехали. Отрезая ломоть от ковриги домашней выпечки, Гуров как бы ненароком поинтересовался у хозяйки дома, присевшей на другом конце стола, что думает она о происходящем на хуторе.

– А что тут думать? – сокрушенно вздохнула женщина. – Это все поганка Наирка натворила. Из-за нее тут творится невесть что.

– А Наирка – это кто? – на секунду оторвавшись от еды, спросил Станислав.

Безнадежно махнув рукой, Раиса Григорьевна рассказала, что пять лет назад к ним на хутор откуда-то приехала некая особа под сорок, одинокая, но «шустрая – как помело». Она сняла пустующий дом у родни его бывших хозяев и устроилась работать к местному предпринимателю продавщицей в его магазин. Звали ее Тамарой, но сама себя она предпочитала называть Наири. Откуда она приехала, выяснить никому так и не удалось. Но где-то, как-то все же просочилось, что Тамара-Наири одно время состояла в некоей секте восточного толка. Правда, из нее она ушла, по какой-то причине не поладив с главным «гуру». Однако, даже уйдя из секты, Тамара-Наири продолжала соблюдать все тамошние обряды и ритуалы.

– И только года через три мы узнали, что состояла она не где-нибудь, не как-нибудь, а в чернокнижниках! – огорченно вздохнула хозяйка. – К ней тут же все наши ходить за покупками перестали. Хозяин начал бурчать: чего это выручки нет? Ты или делай выручку, или уходи. А она обозлилась и сказала: «Ну, вы меня еще не раз вспомните!» А было это накануне полнолуния. Что уж эта Наири вытворяла той ночью – не знает никто. Только на следующее утро она исчезла, как будто ее тут и не бывало никогда. А у нас с той поры начали твориться всякие безобразия. То скотина на лугу чем-нибудь отравится, то дом у кого-то загорится... Вот теперь и поминаем ее недобрым словом!

Не отрываясь от ужина, Крячко заговорил со скептической улыбкой:

– Раиса Григорьевна, знаете, у нас с Львом Ивановичем было несколько дел, где жулики, бандиты, всевозможные там мошенники свои преступления маскировали под что-то сверхъестественное. И ведь как ловко это проделывали! Иной раз, знаете, даже наши коллеги начинали уверять: мужики, да ничего вы тут не раскроете! Это, дескать, сплошная мистика! И что же?! Как миленьких выводили всех этих «магов» и «чародеев» на чистую воду.

По его словам, все те «копперфильды», с которыми довелось иметь дело, всю злоупотребляли самыми недостойными приемами – наглой мистификацией, запугиванием, примитивным трюкачеством, выдавая ловкость рук за чудотворство. Но такими бойкими и самоуверенными «маги» и «чародеи» являли себя не слишком долго, только до того момента, пока на их запястьях не защелкивались «браслеты». И если до задержания они шантажировали оперов и порчей, и проклятиями, то сразу же после водворения за решетку начинались охи и слезы: ой, пожалейте меня, несчастненького!

– Думаю, и здесь творится что-то наподобие. Кто-то у вас творит зло, наводя тень на плетень, а кто-то принимает этот криминальный балаган за чистую монету, – снова принимаясь за еду, заключил Станислав.

– Может, вы и правы... – сдержанно проговорила хозяйка. – Дело покажет. Вот как какого-нибудь злыдня поймаете, так сразу и определимся – колдовство это было или разбой.

...Первая ночь в Брутах для оперов выдалась беспокойной. Сразу после полуночи отчего-то зашелся лаем Ершик – хозяйкин пес. Потом под окном комнаты постояльцев часу уже в третьем сипловато захрюкала невесть откуда взявшаяся там свинья. Совсем уже под утро по улице проскакал неизвестный наездник.

За завтраком Лев и Станислав поинтересовались у хозяйки причинами всех этих шумов. Та в ответ лишь пожала плечами:

– Да бог его знает! Ершика слышала, а вот отчего он разгавкался – и сама не поняла. А больше ничего услышать не довелось. Сплю крепко, меня ничего не беспокоит.

– Понятно... – кивнул Гуров. – Ваш ответ нас устраивает. Нам отчего-то подумалось, что вы спешите происходившее на коварные происки здешней нечисти, – рассмеялся он.

– И все-таки! – не унимался Крячко. – Как вы думаете, что за свинья могла хрюкать у нас под окном?

– Да, скорее всего, молодежь озоровала... – Сделав такое предположение, Раиса Григорьевна впервые за все это время чуть заметно улыбнулась. – Поди, узнали, что из Москвы люди приехали, вот и решили подурачиться. Я ж их, оболтусов, знаю всех досконально. Всю жизнь, пока тут была школа, работала математичкой. Все они прошли через мои руки...

– Вы преподавали математику?! – спросил Гуров с изрядной долей удивления.

В лице хозяйки он, скорее, мог заподозрить бывшего колхозного бухгалтера или экономиста, нежели школьного педагога.

– А что, здесь сейчас школы нет? – одновременно с ним задал свой вопрос и Крячко.

Поправив косынку, хозяйка утвердительно кивнула, как бы ответив этим сразу на оба вопроса.

– Да, молодые люди, я учитель математики. Что касается школы... Сегодня у нас ее нет. Видите ли, с некоторых пор в наш язык вошло такое хитрое словцо «оптимизация». В десятом году нашу школу «оптимизировали». То есть закрыли. Теперь детей возят на занятия за пятнадцать километров. И вот итог. Если в ту пору школьников на хуторе было более тридцати человек, то теперь осталось только двенадцать. Часть семей, у кого есть дети, разъехались. Вот и я из-за этой «оптимизации» осталась без своих любимых сорванцов. Очень жаль! – грустно обронила она, направляясь к выходу.

Памятуя, что вчера в райотделе им пообещали транспорт, Лев созвонился с дежурным. Тот, к кому-то сбегав, сообщил, что выделенная им машина сломалась, едва выйдя из гаража, но завгар обещал, что часам к одиннадцати что-нибудь обязательно подышут взамен.

– Охренеть! – сердито фыркнул Стас. – Это они что же, собирались нам подsunуть такую рухлядь, что сама себя не передвигает?! Да-а-а...

В этот момент в окно кто-то деликатно постучал, на что сразу же зычным лаем отреагировал Ершик.

– Похоже, Пал Палыч... – догадался Гуров. – Ну, и мы уже почти готовы.

Выйдя на улицу, опера и в самом деле увидели старосту, который, покуривая короткую трубку, что-то рассматривал под их окном. Обменявшись с ними приветствием, он кивнул головой в сторону палисадника и, усмехнувшись, спросил:

– Это чьи ж тут свиньи похозяйничали? И натоптали, и наковыряли... Вон, напротив вашего окна всю клумбу разворотили.

Приятели, переглянувшись – ни фиги себе, прикол! – вошли в палисадник и с удивлением обнаружили, что Пал Палыч прав – от непонятно как произошедшего свиного нашествия пострадали все три имевшиеся там клумбы. Однако больше всего досталось крайней, что была напротив их окна.

Они продолжили обследование и пришли к выводу, что с наружной стороны ограждения палисадника свиных следов нет и в помине. Похоже было на то, что свиньи прямо в палисаднике как бы материализовались из воздуха и, сделав свое нехорошее свинское дело, снова растворились. Напрасно опера «нарезали круги», изучая прилегающую к палисаднику территорию и тщательно осматривая каждую ее пядь, – хоть каких-то следов подхода или отхода парнокопытных с пятачками обнаружено ими не было. Не было заметно никаких признаков и того, чтобы свиней на чем-то привезли, а потом увезли. Да и вообще, было совершенно непонятно, к чему и ради чего кто-то устроил подобную каверзу.

Вышедшая на улицу Раиса Григорьевна некоторое время ошеломленно молчала при виде того, что творится в палисаднике. Наконец она только и смогла произнести:

– Господи! Да кто ж это упаковал-то так!

– Не иначе, Наиркины козни... – выколачивая трубку от табачного пепла, флегматично отметил староста. – Видно, шибко она недовольна тем, что ты кого-то приютила.

Глядя на крайне расстроенное лицо хозяйки, Лев негромко предложил:

– Давайте мы вам компенсируем этот ущерб. Тысяч пять хватит? Вдруг, это и в самом деле из-за нас? В принципе, можем и съехать. В случае чего, устроимся и в Краснокурном.

– Да, – поддержал его Стас, – мы не хотели бы, чтобы из-за нашего присутствия у вас возникли лишние проблемы.

Тут же став собою прежней, Раиса Григорьевна строго объявила:

– Еще чего не хватало! Буду я потакать чьему-то свинству. Не дождутся, чтобы я хороших людей за порог выставила. Ничего, клумбы подправлю, цветов посажу – семян хватает. А вы работайте и ни о чем таком голову не ломайте. И про деньги разговор заводить не надо. Невеликий убыток – не корову увели.

Решив этот вопрос, опера не могли не спросить у Пал Палыча, что за чудила мог сегодня ночью проскакать по хутору. Услышав о кавалеристе-полуночнике, староста рассмеялся и пояснил, что подобными проделками обычно занимается некий Костюша Бугаек.

По его словам, парень с малолетства отличался некоторыми странностями по причине определенного, говоря политкорректным языком, аутизма. Его родители, некогда злоупотреблявшие спиртным, сына себе и зачали, и родили по пьяни. Осознав, что свершилось нечто крайне скверное, чета Бугаек и пить бросила, и в церкви покаялась, да только было поздно. Сын у них оказался единственным ребенком. Вот так теперь он и живет, что называется, «ни богу свечка, ни черту кочерга». Осилить Костюша смог только три класса, а при таком образовании единственный, кто его пристроил хоть к какому-то делу, был хуторской пастух Алексеич, который взял его к себе в подпаски.

Пригнав коров с пастбища, Костюша очень часто ехал не домой, а куда-то отправлялся гарцевать на низкорослом, но шустром жеребчике Орлике. Где он бывал, чем там занимался – не знал никто, даже родители. Возвращался Костюша из своих вояжей иной раз чуть не под утро.

– Любит пофорсить, паразит! – добродушно усмехнулся Пал Палыч. – Кстати, интересный момент! С той поры, как Костюша стал присматривать за стадом, не пропала ни одна корова, хотя до этого такое случалось. Одни гады крали скот среди бела дня! Да, представьте себе...

Как далее поведал староста, кражами промышляли некие небедные отморозки из райцентра. Как-то раз, к удивлению Алексеича, Костюша для чего-то сбил в одну кучу разбредшееся стадо и стал ездить вокруг него на лошади. На замечание пастуха – чего, мол, чудишь, как бы коровы голодными не остались, подпасок понес какую-то галиматью насчет «черных волков».

И тут Алексеич заметил, как далеко за кустами на солнце отблескивает крыша большой черной легковушки. Сообразив, что это могут быть скотокрады, пастух по сотовому вызвал

подмогу. Примчалось чуть ли не полхутора. Скотокрадов (а это были именно они) в момент скрутили и передали в полицию. С тех пор хуторяне, до той поры частенько острившие по поводу Костюши, стали его воспринимать чуть ли не как живой талисман хуторского стада.

– У него вообще-то есть какой-то особый дар – при нем любая собака ведет себя смиреннее смиренного. Не раз уже сам видел – если к кому во двор зайдет, собака тут же или к нему ластиться начинает, или хвост поджимает и прячется в будку. Одна тут наша «всезнайка» начала было плести, что у него якобы кровь волчья, а значит, он оборотень. Ну, я ее сразу окоротил – нечего попусту сплетни распускать! Ну, что, идемте к Артемьевым?

– Да, пожалуй, пора, – согласился Гуров. – Пока машины нет, время надо использовать рационально, с пользой для дела.

И они двинулись вдоль по улице, продолжая начатый разговор.

– А болтать про «волчью кровь» подпaska та мадам начала еще до того, как здесь нашли первого убитого с прокушенной шеей? Или уже после? – уточнил Станислав.

– После. Да тут, как только первый раз это случилось, у многих в мозгах путаница началась. Помню, когда по весне нашли Жорку Артемьевичева... – Пал Палыч тяжело насутился. – Так вот у меня самого-то «чайник» с ходу закипел – как? Отчего? Почему?!..

По его словам, в данный момент они как раз и направляются к родственникам того, кто открыл трагический счет погибших от непостижимо загадочной и одновременно жутковатой смерти.

– Жорка работал трактористом у местного фермера, Юрки Колопатова, – на ходу повествовал староста. – В тот день допоздна задержался в мастерской – к боронованию готовил трактор. Она вон там, за околицей. И все. Домой не вернулся. Прямо за углом мастерской его и убили. Да как по чудному-то! Опера приехали, говорят: тут у вас завелась какая-то специально обученная собака. Ага! Пусть еще скажут, баскервильская из Англии сюда перебралась! Нет, мужики, чую печенкой, что-то тут совсем другое. А что? Хрен его знает!

Они подошли к дому из белого силикатного кирпича, огороженному дощатым забором, который был покрашен зеленой краской. Проживавшие там – вдова умершего и двое сыновей подросткового возраста, как видно, заранее предупрежденные старостой, – их уже ждали. Войдя в небогато обставленный дом, приятели и их сопровождающий наотрез отказались от завтрака – сами только что от стола! – и предложили поговорить о последних днях жизни покойного.

Хозяйка дома, назвавшаяся Ульяной, по внешнему виду никак не похожая на классический вариант вдовы, выглядела вполне уравновешенной и оптимистичной. Уговорив гостей согласиться хотя бы на чашку чаю – его она заваривала с мелиссой и мятой, что весьма высоко оценил Станислав, – Артемьевичева заговорила приятным «бархатным» голосом.

По ее словам, беды, приключившейся в середине апреля, вообще ничто не предвещало. Георгий в ту пору, как и всегда в такое время, ходил в мастерскую, готовился к весенне-полевым работам. С другими членами бригады отношения у него были хорошие, так же, как и с самим фермером. С хуторянами их семья всегда жила дружно, ни с кем никогда не конфликтовала. Впрочем... Дойдя до этого места, Ульяна обернулась к сыновьям и предложила им пойти пополоть картошку.

Когда парни с недовольными лицами скрылись за дверью, она продолжила:

– Если откровенно, то трения у него кое с кем были. Вот, Пал Палыч в курсе. Юбочником был мой Жора, царствие ему небесное. Да еще каким! Ну, это у нас тут так бабников называют. Тут-то, в Брутах, он особо не гулял, а вот по соседним хуторам и станицам, по Краснокуренному куролесил – будь здоров! Сколько у него имелось баб, я не знаю, но, говорили, десятка три – самое меньшее. И одиночки у него были, и замужние...

– А вот об этом чуть подробнее! – попросил Гуров. – И, кстати, вопрос: а вы об этих, так сказать, увлечениях мужа нашим коллегам не рассказывали?

– Рассказывала... – Ульяна сдержанно кивнула. – Но мне показалось, всерьез они это не восприняли. Вроде того, мели, Емеля... А что касается того, за кем именно он приударял, тут ничего не знаю. За ним не следила, потому что считала это напрасным делом. Раз уж пошел по бабам – махни рукой и плюнь. Для меня главное было – детей на ноги поставить. Их у нас четверо. Вот, Святослав и Тарас – старшенькие мои, Любочка и Анютка – меньшие. Они сейчас у свекровки гостят... Я не знаю, в дело ли будет то, что я рассказала сейчас? Но знать-то вы должны и об этом тоже, так ведь?

– Разумеется! – с интересом приглядываясь к хозяйке дома, подтвердил Станислав. – Вы остановились на последних днях жизни Георгия. Ему никто не угрожал, никто за ним не следил?

Ульяна чуть пожала плечами и пояснила, что чего-то похожего от мужа она не слышала. Впрочем, дня за два до того, как его нашли убитым, он вечером за чаем промеж делом рассказал про каких-то чудил, которые спрашивали у него дорогу на станицу Толмачевскую. А она как раз в той стороне, откуда они и ехали. Смеясь, Георгий недоумевал, как они могли проскочить мимо Толмачевской, если там проехать можно только через само селение, где «даже последний дурень» смог бы как следует сориентироваться?!

– Что-нибудь об их машине – номер, марка, цвет, как выглядели те люди, он не рассказывал? – для проформы поинтересовался Лев, заведомо зная, что ничего этого их собеседница не знает.

Как и ожидалось, никаких подробностей Ульяна и в самом деле не знала. С одной стороны, те проезжие ей были совершенно безразличны, а с другой – муж и сам в подробности не углублялся. Что касается последнего дня жизни Артемьичева, то он абсолютно ничем не отличался от всех других. На работу Георгий ушел в восьмом часу утра, на обед не приходил – в мастерской имелась бесплатная столовая. Вечером, когда он не появился и в девятом, и в десятом часу, Ульяна особой тревоги не испытала, поскольку знала заведомо, что ее несерьезный муженек или в мастерской, или... Или опять «на часок» свалил к какой-нибудь из своих ухажерок.

О том, что муж найден убитым, она узнала от Колопатова. Тот, поздним вечером приехав в мастерскую, чтобы проверить – на месте ли сторожа, по своей привычке пошел осмотреть территорию. И, свернув за угол, наткнулся на Георгия, уже начавшего коченеть. Фермер немедленно позвонил в полицию и съездил к Артемьичевым, чтобы сообщить о случившемся...

Уточнив еще кое-какие детали, опера попрощались и отправились дальше. Выйдя за калитку и взглянув на часы, Гуров озабоченно отметил:

– Долгонько засиделись... Надо ускорять. Если на каждую встречу будем тратить по часу, то до обеда и половины запланированного не обойдем.

Посоветовавшись, они со Стасом решили ходить порознь, чтобы до прибытия машины из райотдела успеть обойти еще хотя бы по одному двору. Староста согласился, что так и в самом деле будет гораздо лучше, и указал Гурову на небольшой кирпичный дом, виднеющийся из-за разросшейся сливы на противоположной стороне улицы.

– Вон там живут Котовы, Альберт и Евдокия. У них где-то в июне была убита дочь Роза. И точно так же, как и у Артемьичева, у девчонки была прокушена шея и выпущена кровь. К ним вы пойдете?

– Ну а что? Пойду... – Кивнув, Лев направился ко двору, огороженному ветховатым, покосившимся штакетником, а Пал Палыч и Крячко зашагали дальше.

Открыв столь же косоватую калитку, Гуров постучался в окно и увидел вышедшего на крыльцо мужчину средних лет в майке и шортах, явно успевшего «принять на грудь». Все открытые части его тела были украшены характерными татуировками. Судя по этой «картинной галерее», ее обладатель с тюремными нарами был знаком не понаслышке. Недоуменно вытарасившись на незнакомца, «расписной» недовольно поинтересовался:

– Чего тебе? Чего приперся?

– Главное управление уголовного розыска, – строго уведомил Гуров и показал удостоверение.

– Мог бы ксиву свою и не показывать, я ментов за версту вижу, – кривовато ухмыльнулся тот. – А что за дела-то? Опять по мою душу?

– Ну, если есть тому конкретная причина, то можно и по твою душу, – в тон ему ответил Лев. – Хотя вообще-то я по поводу смерти Розы Котовой. Мы поговорить можем?

– Опа! – Котов развел руками. – Опамятовались! Раньше надо было приезжать. А щас – чего уж тут ловить-то? Девку эта... как там ее, чупачупса, что ль... загрызла. Вот. Это надо было еще в июне приезжать и искать.

– Ты с кем там балаболишь? – неожиданно донесся из сеней раздраженный женский голос. – Кто пришел-то?

Из занавешенного цветастой шторой дверного проема показалась женщина лет тридцати пяти в просвечивающей кружевной кофточке и спортивном трико, именуемом трениками, в обтяжку. Оглянувшись на жену, Альберт язвительно пробурчал:

– А чего это ты так вырядилась? Что, мужика постороннего заметила? Ты еще начни перед ним ж...ой крутить.

– Ха! – измерила его пренебрежительным взглядом женщина. – Чья бы мычала, а чья бы и помолчала. Все, заткнись давай! Вы насчет покойной Розочки?

– Да, именно по этому поводу, – подтвердил Гуров и, увидев приглашающий жест Евдокии, следом за хозяевами вошел в дом.

К некоторому его удивлению, обстановка там оказалась довольно-таки небедной. Столы, шкафы, комод, кровати, стулья – все выглядело достаточно новым. На стене висел портрет девушки лет шестнадцати в траурной рамке. Как заметил Лев, войдя в комнату и взглянув на эту стену, Альберт отчего-то поспешил отвернуться и плюхнулся в фасонистое, явно дорогое кресло. «Видимо, где-то на Северах работает на вахте...» – догадался он, изучающе взглянув на хозяина.

Расположившись на диване и категорично отказавшись от «ста граммулек», предложенных Евдокией, Лев задал дежурные вопросы по происшедшему с дочерью хозяев. То и дело срываясь на перебранку, те рассказали, что их Роза девушкой была необычайно скромной, умницей и красавицей. Но почему-то очень невезучей. Подружек у нее было мало, с парнями тоже не ладилось...

– Да это все проклятые штучки-дрючки ведьмы Наирки! – в сердцах объявила Евдокия. – Она, между прочим, не только на Розочку нашу порчу наводила. Она тут многим умастырила так, что весь хутор клянет ее на все лады.

– Она, она, сволочь! – поспешил поддержать мнение жены Альберт. – Только из-за нее все наши беды. Она и смерть наколдовала нашей дочке!

«Похоже, эта Наири стала очень удобным козлом отпущения для немалой части здешних хуторян, – мысленно резюмировал Гуров. – Теперь что угодно, даже собственную дурость, можно списать на ее колдовство. Ну, артисты!..»

В ответ на его просьбу рассказать о последнем дне жизни Розы и глава семьи, и его спутница жизни отчего-то конфузливо замялись. После череды всевозможных междометий, они наконец признались, что тем днем с самого утра на всю катушку отмечали возвращение Альберта с северных нефтепромыслов, поэтому сказать чего-либо вразумительного не могут.

– Хорошо, раз не можете рассказать об этом, то хотя бы вспомните, от кого и при каких обстоятельствах вы узнали о смерти дочери?

Лев старался говорить абсолютно нейтральным тоном, хотя его так и подмывало бросить: «Алкашня вы, алкашня продувная! Как так можно было надраться, чтобы о дочери не вспомнить?»

Немного подумав, Альберт сказал, что горестную весть им принес пастух Алексеич. Тот, ранним утром выгоняя стадо, неожиданно заметил пару ворон, которые на краю луга крутились подле зарослей шиповника. Заподозрив неладное, пастух подошел к кустарникам и в густой траве увидел в луже крови лежавшее навзничь тело Розы. Он тут же поручил Костюше присматривать и за стадом, и за своей страшной находкой, а сам созвонился со старостой и лично сходил к Котовым сообщить о случившемся с их дочерью.

– Мы сразу туда побежали, – изобразив горестный всхлип, подхватила Евдокия, – девочку нашу забрали домой. Обмыли ее, обрядили... Потом приехали полиция и «Скорая». Ну, посмотрели, пошушукались меж собой, а нам вообще ничего не сказали. Вроде того, необъяснимый случай. Мы только и слышали от них: хороните. И все... До сих пор никто ничего нам так и не объяснил.

– Ну а по селу разговоры не ходили, где и с кем в тот вечер была Роза? – выслушав ее, снова спросил Гуров. – С кем-то она встречалась же! Вон, судя по портрету, девушка была очень симпатичная, у такой не могло не быть парня. Или вы не в курсе и об этом?

– Сами, поди, слышали, что мать всегда о детях узнает последней... – сокрушенно констатировала хозяйка дома. – А у Розы в ухажерах был этот... Как его? Федька Мелецкий.

– Ты чего болтаешь-то?! – сердито махнул рукой Альберт. – Она с ним еще за месяц до этого распротилась. Последние разы дружились они с Мишкой Романчуком.

– А вы не знаете, у Розы с кем-нибудь была переписка? Или, может, она вела дневниковые записи? – Лев перевел испытующий взгляд с Альберта на Евдокию.

– А, да! Вела... – утвердительно кивнула Евдокия. – Вы хотите посмотреть?

– Разумеется! – подтвердил Гуров.

– Чего-чего ты там сказала? – отчего-то вдруг встревожился хозяин дома. – Розка вела дневник? А почему об этом я не знаю?

– А тебе-то чего? – язвительно прищурилась его «половина». – Твоя тут какая печаль? Она его прятала и писала так, что хрен разберешь. В смысле, слова какие-то нерусские. Ща принесу...

Она вышла в сени и вскоре вернулась оттуда с общей тетрадью в зеленой обложке. Пролистав страницы, исписанные круглым, вполне разборчивым почерком, Лев с полпинка понял суть того, как Роза шифровала свои записи. Она просто меняла местами первую и вторую половины слова, и поэтому написанное ею: «...Равче у баклу лбы койта ешкип!..» – можно было понять как: «...Вчера у клуба был такой кипеш!..»

Поймав настороженно-напряженный взгляд Альберта, который помрачнел и стал очень хмурым, Гуров для вида недоуменно пожал плечами.

– Абракадабра какая-то! – изобразив задумчивый вид, отметил он. – Отдам нашим дешифровальщикам. Может, они сумеют разобрать?

– А может, я разберу? – протянув руку, предложил хозяин дома.

– Не думаю... – с сомнением поморщился Лев, но тетрадь ему все-таки дал.

Альберт пролистал страницы и, ничего не сумев понять, неохотно вернул ее назад. По его лицу было видно, что он чем-то сильно встревожен и даже напуган. Льву в глаза неожиданно бросился свежий шрам на его левой скуле.

«Это где ж он так зацепился-то? Любопытно! Ссадине этой месяц или полтора – что-то около того...» – мысленно отметил Гуров, а вслух спросил:

– А вот вы, живя на этом хуторе, последние полгода чего-либо странного не замечали? Ну, там, появление каких-то непонятных людей, какие-то необъяснимые происшествия?

Альберт в ответ молча пожал плечами, всем своим видом давая понять, что ничего подобного он не замечал и замечать не собирается. Евдокия, напротив, напряженно задумалась и после минутного молчания рассказала, как еще в мае ходила на Дон посмотреть, не туда ли ушли ее гуси. И вот, выйдя на берег, она неожиданно услышала невдалеке от себя какой-то

шорох в зарослях ивняка. Повернувшись в ту сторону, Евдокия среди листвы внезапно различила чьи-то глаза, наблюдающие за ней. Ощувив холодок, пробежавший по спине, женщина решила пойти на хитрость.

Она сделала вид, что ничего не заметила, и, обернувшись назад, громко сообщила:

– Альберт, нет тут никаких гусей! Пошли к Прохоровскому затону. Они, скорее всего, там!..

Не теряя больше ни секунды, Евдокия поспешила подняться по склону и что есть духу побежала к домам. Что это был за человек, она так и не поняла. Но ее еще долго тяготило ощущение какой-то потусторонней жути, пережитой на берегу. С той поры в одиночку ходить к Дону она уже не рисковала.

– А вы своему участковому или Пал Палычу об этом не говорили? – уточнил Гуров, сразу же внутренне ощутив: этот случай, скорее всего, имеет самое прямое отношение к происходящему в Брутах.

– Нет... – сдавленно ответила Евдокия. – Еще не хватало, чтобы надо мной все начали смеяться. Вроде того, какой-то алкаш зашел в кусты по-маленькому, а она визготню подняла на всю округу.

– Зря... – сокрушенно вздохнул Лев. – Возможно, это помогло бы в дальнейшем спасти жизнь Розы. Больше ничего не замечалось?

– Да как будто нет...

– Вы не могли бы мне показать те места, где Роза была найдена убитой и где был замечен неизвестный? Это далеко отсюда? – вопросительно посмотрел на супругов Гуров.

– Ну, что туда, что туда – минут пятнадцать ходьбы, – прикинув в уме, сказала хозяйка. – За полчаса обежать можно запросто. Хотите, чтобы я вас туда проводила?

– Да, – кивнул в ответ Лев и добавил: – Можем даже пойти втроем.

– А я чего там не видел? Идите на пару! Дуська все, все, что надо и не надо, покажет... – Котов, судя по всему, к сказанному хотел добавить что-то язвительно-похабное, но, наткнувшись на взгляд опера, сразу же осекся и отвернулся.

Гуров и его спутница вышли к реке по пологому склону, поросшему кустарниками и высокой травой. Оглядевшись, Евдокия указала рукой на обширные заросли ивняка:

– Вот, там он и стоял. Видимо, одет был в маскировочную одежду, потому что я, кроме глаз – злых таких, звериных, – больше ничего и не различила.

Лев углубился в ивняк и, некоторое время побродив там, неожиданно для себя обнаружил давнишние следы подошв чьей-то обуви. Хотя с той поры прошло более двух месяцев, можно было без труда определить, что неизвестный в кустах стоял довольно-таки долго. От кого-то прятался? Поджидал добычу? Более тщательно изучив этот вытоптаный пятачок, он заметил под опавшими листьями окурков сигареты, уже грязный и поблекший. Но и это было хоть каким-то намеком на след предполагаемого злоумышленника.

Положив окурков в пакетик для вещдоков и больше не обнаружив даже обрывка нитки или волоса, Лев вернулся к поджидавшей его Евдокии. Вопросительно мотнув головой, она с сомнением произнесла:

– Неужто с той поры там хоть что-то сохранилось? А вы, я гляжу, чего-то нашли... А может, уже сумели определить и как он выглядит, тот злыдень?

– Отчасти... – Гуров еще раз огляделся по сторонам, и они зашагали вверх по склону в обратном направлении. – Мужик был крупный, ростом ниже меня сантиметров на пять-семь, ноги у него коротковатые, а руки, наоборот, длинные. Бегаёт он неважно, но очень сильный. У вас на хуторе такие не проживают?

– По-моему, нет... – Евдокия, уважительно покосившись на столичного сыщика (во, башка у мужика варит!), отрицательно покачала головой.

Они вышли на пыльный проселок, опоясывающий хутор со стороны Дона. Пройдя по изрезанной колеями грунтовке около километра и свернув вправо, форсировали неглубокую травянистую балку. После этого пересекли осиновый перелесок и оказались на обширном суходольном лугу, где бродило хуторское стадо.

– А это, вон там, сидят Алексеич и Константин Бугаек? – спросил Лев, указав взглядом на двоих мужчин, расположившихся в тени раки. – Кстати, как Алексеича-то полностью?

– Иван Алексеевич Ломухин. Они это, они... – подтвердила Евдокия, отчего-то вдруг поскучнев и знобко поежившись, видно, зримо вспомнила то страшное утро.

Пастухи их тоже заметили и с интересом смотрели в их сторону, дымя самокрутками. Поздоровавшись, Гуров представился и, пояснив цель своего визита, попросил пастухов пройти с ними до того места, где была найдена Роза. Те охотно согласились и, потушив чадные «козьи ножки», поднялись с толстой валежины. Все вместе они пошли на другой конец луга.

– А что это вдруг полицию смерть Розки заинтересовала? – спросил пастух, с шелестом шагая по густой осоке. – То отпихивались, как только могли, а теперь аж из самой Москвы приехали. Что случилось-то? Неужто о людях наших забеспокоились?

– Видите ли, Иван Алексеевич, – иронично улыбнулся Лев, – игнорировали происшедшее ваши, здешние работники. А мы – это мы. Мы намерены довести расследование до конца. Припомните, в каком часу вы нашли убитую?

– Где-то в половине шестого. Во-о-н под тем кустом... – Старик указал на большущий куст шиповника, высящийся над густой, высокой травой.

Осмотрев место происшествия, где уже мало что напоминало о драме, случившейся месяца полтора назад, Гуров спросил старика, была ли примята трава рядом с телом жертвы.

– Да не сказать бы, чтоб особо здорово... – пожал плечами пастух. – К этому месту какие-то следы тянулись. Правда, я не следопыт, в них не разбираюсь. Но понял так, что Розка пришла сюда с кем-то еще, а потом тот человек ушел этой же дорогой назад. Он ее убил или кто-то другой – говорить не буду, но третьего тут, я так смекаю, не было.

– Кстати, скажите, Евдокия, – повернулся Лев к Котовой, – а зачем до прибытия опергруппы вы забрали тело Розы домой, да еще и омыли его? Вы же, по сути, лишили следствие возможности восстановить картину преступления и обнаружить улики.

Та беспомощно развела руками и тяжело вздохнула:

– Не знаю... Может, чтобы на мою убитую дочку не пялились посторонние? Она лежала такая несчастная, одинокая, горемычная... – Не удержавшись, Евдокия заплакала.

– А опера вам на этот счет ничего не говорили? Судмедэксперт тело Розы осматривал? Ее в морг забирали? – спросил Гусев, понимая, что сейчас ему едва ли удастся выяснить что-то дельное.

– Нет, не забирали, – с горечью в голосе ответила Евдокия. – Какой-то пацан приехал в белом халате, посмотрел на нее со стороны, что-то написал в какой-то бумаге и тут же ушел. Даже не дотронулся. Видимо, покойников боится.

«О, где дурдом-то! – оглядевшись по сторонам, подумал Лев. – Да здесь как минимум половину всех тяжких надо по новой расследовать! И еще, блин, ввали внаглую, что тут и днюют, и ночуют!...»

– Хорошо, последний вопрос. – Он внимательно посмотрел на Евдокию и Алексеича. – Нам рассказали, что якобы кто-то видел нечто наподобие всяких там упырей, привидений, вурдалаков... Что об этом можете сказать?

– Лично я не видел ни разу, – пожал плечами пастух. – Но есть люди, и не брехуны по натуре, которые говорят, что – да, видели. Правда, рассказывать об этом они не любят, потому что не хотят, чтобы над ними хихикали, чтобы не принимали за сумасшедших. Но я об этом от троих слышал. И районным следакам об этом говорил, а их это не заинтересовало. Вот

насчет Розы они меня прямо «затореадорили». Все пытались доказать, что это мы с Костей ее порешили...

– И кто же эти люди, что видели упырей? Назвать можете? – Лев выжидающе прищурился.

– Нет, не могу! – категорично ответил старик. – Спрошу у них самих. Согласятся, чтобы сказал, тогда сообщу.

– А что думает об этом Константин? – неожиданно для всех обратился к подпаску Лев.

Тот, как видно, польщенный тем, что с ним разговаривает на равных какой-то очень важный человек, приехавший издалека, придал себе многозначительный вид и с натугой проговорил немного скрипучим голосом:

– Да. Видел. Фурдалакоф. Плетюха. Ночь. Трое. Страшные. Я на Орлике скакал, скакал, скакал... Роза красивая. Хорошая. Тот он, змеиная душа. Зубы длинные. Железные.

– Тот, кто ее убил, он – с железными зубами? – переспросил Лев.

Бугаек маловразумительно выдал «Ага!».

– А ты сам лично видел, как он ее убивает?

Константин отрицательно замотал головой.

– А что такое Плетюха? – повернулся к Алексеичу Гуров.

– Холм тут такой есть в километре от хутора. Кругом него песок и глина – обычная земля. А он почему-то каменный, сплошной известняк. Почему этот бугор кличут Плетюхой – не знает никто. Есть версия, что рядом с ним когда-то жил старовер Плетюха, который не захотел строиться на хуторе, где стояла никонианская церковь. Я, Лев Иванович, знаете, не только от Костюшки, но и от других слышал, что именно там по ночам видели вурдалаков.

Отведя пастуха в сторону, Гуров негромко попросил его выведать у Кости – в самом ли деле тот видел момент убийства Розы Котовой, и если видел, то при каких обстоятельствах это происходило и кто убийца. После этого он задал еще несколько уточняющих вопросов Евдокии и быстро зашагал в сторону дороги, где появился зеленый полицейский «уазик», из которого вышел Станислав Крячко. Козырьком приложив ладонь ко лбу, тот с видом полководца, только что одержавшего главную в своей жизни победу, стоял, озирая окрестности.

Глава 4

После коллективного визита к Артемьичевым Стас вместе с Пал Палычем ушел почти в самый конец хутора, где в аппендиксе проулка стоял небольшой домишко совсем недавно овдовевшей пенсионерки Умариной. Всего неделю назад она отбыла девять дней по своему мужу, семидесятилетнему инвалиду, который тоже стал жертвой загадочного хищника.

Леонтина Макаровна встретила гостей на лавочке у своего двора. Пожилая женщина выглядела подавленной и была немногословна. По ее словам, до сей поры, даже похоронив мужа, она не может поверить в то, что его уже нет в живых. Старик стал инвалидом лет двадцать назад, после того как его во время поездки на мотоцикле сбил пьяный лихач. Левая нога была изувечена до такой степени, что хирург, опасаясь гангренозного воспаления, поспешил отнять ее по самое колено.

Для Андрея Степановича, любившего деревенский ручной труд, привыкшего везде и во всем обходиться своими силами, это был серьезный удар. Но тем не менее первое, что он сказал жене, которая пришла проведать его после операции: «Как хорошо, что не взял тебя с собой!» Она очень настаивала, чтобы посмотреть новые покосы они поехали вместе...

И вот, его не стало. Конец сельского труженика оказался бессмысленным, страшным, непонятным. На вопрос Станислава о последнем дне жизни ее мужа Леонтина Макаровна, горестно вздыхая, перечислила события почти поминутно:

– Ну, вставал он всегда рано – часов в пять поднялся. Убрался со скотиной. В половине шестого я корову уже подоила, он погнал ее к стаду. Что еще? Ну, потом позавтракали мы с ним. Дальше, часов в восемь, он сел вязать новую сеть – покупные не признавал. Вязал до обеда. Пообедали мы с ним. Потом он пошел косить траву для кроликов. Так-то без ноги косить несподручно, но Степаныч приспособился. Часа в три вернулся с покоса. Принес вязанку травы. Убрался у кроликов. Пошел чинить забор огорода. Это было уже часу в седьмом... Господи! И зачем только я его отпустила?! – Она вдруг горько заплакала.

Крячко, испытывая неловкость – как ни верти, а именно его расспросы разбередили ее душевные раны, – был вынужден попросить женщину взять себя в руки и продолжить рассказ. Та, утирая слезы, кивнула и сказала, что беды вообще ничто не предвещало. Июльский вечер был тихим и безмятежным. И даже когда по-настоящему смерклось, никакой тревоги Леонтина Макаровна не ощутила. Степаныч, случалось, занявшись каким-либо делом, на часы не обращал никакого внимания.

Но в какой-то момент она неожиданно почувствовала смутное беспокойство. Ей отчего-то припомнились странные случаи смерти двоих односельчан и не менее странные исчезновения еще четверых. Она поспешила на огород и окликнула супруга. Не дождавшись ответа, женщина побежала к дальнему концу огорода, не разбирая дороги, и с ужасом увидела Андрея Степановича, который лежал под забором в луже собственной крови. На ее отчаянный крик сбежались испуганные соседи и тут же вызвали полицию и «Скорую». Впрочем, «Скорая» так и не приехала. Видимо, носители клятвы Гиппократы рассудили, что раз уж дед умер, то какого хрена попусту мотаться взад-вперед?

О том, чтобы у пенсионера Умарина были какие-либо непримиримые враги, не помнили ни его вдова, ни хуторской староста. Андрей Степанович человеком был незлобивым и, хотя характер имел твердый и настойчивый, в сложных случаях умел пойти на разумный компромисс. Если он с кем и дрался, то только в далекие годы давно ушедшей молодости.

– А кто из парней не дрался? – с ностальгической ноткой вздохнула Леонтина Макаровна. – Андрей-то чем хуже других? О-о-о! Парень он был завидный. Пришел из армии в шестидесятом – форма красивая, весь в значках военных. Девки за ним – гужом. А он только со мной. В ту пору, когда он служил, ко мне пробовал прибиться Егор Маханцев, сын дирек-

тора тутошнего сельпо. Вот он и надумал с дружками Андрея побить. Да только куда там! Мой их всех так отвалтузил, что неделю на улицу стыдились показаться...

– А он где сейчас, этот Маханцев? – сразу же заинтересовался Крячко.

– Да уже лет пять как умер, – грустно улыбнулась Леонтина Макаровна. – Жил богато, держал по селам шесть магазинов, а умер, как и все. Нет, Васильич, Маханцев тут ни при чем. Тут, я думаю, эта проклятая ведьма Наирка чего-то намудровала со своим колдовством. То и дело в полнолуние бегала на старое кладбище, чего-то там голосила. Вот и наголосила на нашу голову!

...Выслушав повествование Стаса, Гуров лаконично заметил:

– Да, на этом материале версию не построишь.

«Узик» мчался в сторону райцентра, а опера продолжали обсуждение услышанного от хуторян. По мнению Гурова, обычные, стандартные подходы к раскрытию этого дела не годились и близко. Тут требовалась не арифметика следственной теории и практики, а своего рода алгебра. Тут был «икс» – заказчик и совершенно непонятные причины убийств, «игрек» – столь же непонятные орудия убийства, использованные киллером, пока не установленные методы их совершения преступлений, «зет» – полная неопределенность с тем, как будут развиваться события дальше. Ведь сейчас абсолютно никто не мог сказать – стал ли пенсионер последней жертвой таинственного убийцы, или этот список пока остается открытым.

В райотделе их уже ждали. Забрав семь дел, приятели обосновались в актовом зале и приступили к их изучению. Впрочем, по части того, что касалось убитых хуторян, ничего нового опера, по сути, не узнали. Более того, некоторые уже известные им факты в материалах дел отсутствовали. Видимо, уездные «пинкертоны» работали по принципу «не бей лежачего».

Тем не менее дела о погибших в Брутах Гуров и Крячко изучили от начала до конца. Дела о пропавших без вести были еще короче. Они укладывались в несколько бумажек, которые излагали стандартную схему происшествий: житель (жительница) хутора Бруты «имярек» в такое-то время поехал (пошел, поплыл) туда-то туда-то. В оговоренное время дома не появился. Были организованы поиски, которые оказались безуспешными.

Гурову достались дела о пропаже без вести Хамидова Руслана и Трофимовой Ирины. Согласно заявлению Анастасии Хамидовой, жены Руслана, ее муж, семьдесят пятого года рождения, тридцатого апреля поздним вечером пошел искать корову, которую их дети не сумели встретить из стада. Выйдя из дому около девяти вечера, он больше не вернулся. Анастасия несколько раз звонила на его телефон, но автоответчик всякий раз сообщал ей, что «данный абонент вне зоны действия Сети». Донельзя встревоженная женщина побежала к соседям. Глава семьи Родионовых со своими сыновьями, прихватив фонари и заряженные охотничьи ружья, немедленно отправились на поиски. К ним присоединились и другие хуторяне, но Руслана найти никто не смог.

Утром поиски были продолжены с участием прибывшего участкового. Пропавший словно растаял – не было вообще никаких следов, которые бы подсказали, что же с ним произошло. Корова, как ни странно, поздней ночью домой пришла сама. Днем в Бруты приезжал житель Краснокуренного – дальний родственник Родионовых, у которого имелся дрессированный спаниель, обученный идти по следу. К удивлению и хозяина пса, и хуторян, спаниель, вначале уверенно взявший след и побежавший в сторону заброшенной колхозной фермы, в какой-то миг с испуганным воем метнулся назад и прижался к ногам хозяина. Стало ясно, что он почуял нечто для себя крайне опасное. Но что? Впрочем, многие хуторяне тут же вынесли свой вердикт: не иначе, вурдалака почуял (а кого ж еще-то можно встретить в ведьмовскую Вальпургиеву ночь?), и вновь, в который уже раз, «перемысли кости» все той же «треклятой ведьме Наирке».

Трофимова Ирина, одинокая хуторянка лет тридцати восьми, пропала без вести недели три спустя. Ее исчезновения сразу никто и не заметил. Жила она тихо и неприметно на окра-

ине хутора. В жизни ей крепко не повезло с самого начала – родилась уж очень некрасивой. Поэтому со школы была неприветливой и замкнутой. Родители умерли, замуж она так и не вышла. Попыталась родить для себя от какого-то залетного ухажера, но из роддома приехала без ребенка. Сразу после родов его забрали, объявив ей, что он родился мертвым. Однако Ирина врачам не поверила, и у нее на этой почве произошел сильнейший психический срыв. Больше рожать она уже не рисковала...

Первыми заметили исчезновение Ирины ее ближние соседи. Майским утром, услышав истошный галдеж птицы, которая требовала выпустить ее из курятника, они заподозрили неладное. Постучав в окно и не дождавшись ответа, вызвали Пал Пальча и участкового. В их присутствии мужики взломали дверь, запертую изнутри, и с крайним удивлением обнаружили, что в доме Трофимовой пусто.

В ходе блиц-расследования, проведенного участковым, было установлено, что последний раз Ирину видели минувшим днем после обеда. Она заходила в местный магазин за хлебом и сахаром. Как всегда была молчалива и безрадостна. Сделав покупки, сразу же ушла домой и на улице больше не появлялась.

Скорее всего, для того, чтобы не осложнять себе жизнь, участковым было сделано заключение, согласно которому у Трофимовой вновь наступило помрачение рассудка, и в этом состоянии она сама куда-то убежала с хутора.

Дела, которые изучал Станислав, также особой оригинальностью не отличались. Бесследное исчезновение вахтовика, который за три дня до случившегося с ним прибыл из Москвы, где он работал на стройке, тоже особого напряжения ответственных лиц не повлекло. Василий Дольчук, сорока двух лет, отец троих детей, на майские праздники поехал в Краснокуренной за покупками. Его «семерка» перед этим сломалась, и поэтому он отправился в райцентр на рейсовом автобусе.

Домой вернулся вечером, на попутных. Приехавшие вместе с ним хуторяне подтвердили, что Василий, выйдя из машины, отправился к себе домой. Правда, пошел не по улице а, решив «срезать угол», двинулся напрямую, через куртину верб, растущих по пути к его «кутку». А утром Бруты ошарашенно обсуждали шокирующую новость: Дольчук вчера до дома так и не дошел! Он исчез, лишь ступив в пределы верб. Во всяком случае, никаких следов, указывающих на то, что он проследовал дальше, обнаружено не было. Не было и следов, которые бы подтверждали версию участкового об ограблении и убийстве. Он просто исчез, вместе со всеми своими покупками.

Тем же днем и сам хутор, и вся его округа были прочесаны силами жителей и присланного из райцентра полицейского наряда. Однако все эти старания оказались напрасными – подобно Руслану Хамидову, Василий Дольчук также не был найден. К этой поре некоторые хуторяне, испытывая нешуточную тревогу, уже начали собирать вещи и подыскивать себе новое место жительства. Впрочем, исходя из старого правила, что один переезд равносителен двум пожарам, позволить себе перемещение в места более безопасные мог далеко не всякий.

Последний случай бесследного исчезновения жителей хутора был зафиксирован около месяца назад. Жертвой загадочных похитителей стал мелкий хуторской предприниматель двадцати восьми лет от роду, незадолго до этого женившийся на жительнице соседней станицы. Вадим Конопленко работал сразу в нескольких сферах. Во-первых, он арендовал пруд для выращивания карпа. Кроме того, держал небольшую пасеку, имел бахчу в тридцать соток, а в свободное время брался чинить бытовую электронику.

Но, как известно, в России всяк, занявшийся малым бизнесом, подобен каскадеру, работающему над пропастью без подстраховки. Через месяц после свадьбы у Вадима начались финансовые проблемы. Впрочем, в известной мере они были спровоцированы его молодой супругой, которая никак не могла соразмерить свои запросы и возможности мужа.

Однако новоиспеченная Конопленко, никак не желая брать во внимание этот очевидный факт – прежде чем всласть полопать, надо вначале хорошенечко потопать, – усиленно пилила мужа на предмет выделения ей денег. К тому же не последнюю роль в этом домашнем рэжете играла и мамочка новобрачной. Незадолго до исчезновения Вадима она появилась в их доме, и тем же вечером молодая супруга объявила мужу интимное «эмбарго». Вроде того: пока денег не дашь, со мной в постель не ляжешь. И напрасно тот убеждал жену, что, если завтра он не купит малька, аренда пруда и все прежние затраты окажутся бросанием денег на ветер, ничемным растраниванием времени и сил. Молодайка, науськанная мамочкой, была непреклонна: или деньги, или спи один.

До крайности возмущенный Вадим ушел ночевать в летнюю кухню. Утром, ближе к десяти, «секс-рэкетирша» решила проверить, где же ее муж. Однако в летней кухне его не оказалось. Можно было бы предположить, что он уехал по делам, но его «Нива» стояла на своем обычном месте. Его телефон оказался отключенным, о чем незадачливую новобрачную известил автоответчик.

Уже после обеда, запаниковав не на шутку, та помчалась к Пал Палычу с просьбой помочь найти Вадима. Вызвали участкового, развернули поиски. Но, как и прочие, Вадим бесследно исчез. Лишь тогда «рэкетирша» поняла, какую сотворила глупость. Но ее слезы и причитания сочувствия у хуторянок не вызвали. Одна из тех, кого Вадим не захотел заметить, предпочтя невесту со стороны, сказала ей прямо, без обиняков:

– Что ж ты, сучка, такого парня загубила? Ты для чего вообще выходила замуж? Сваливай отсюда, тварь, пока тебя тут не пришибли!

Правильно поняв это уведомление, та уже на следующий день отбыла с хутора к своей мамочке. Полистав бумаги, Крячко установил, что новобрачную зовут Мариной, а родом она из станицы Гусихинской.

Покончив с изучением дел, опера отправились в соседнюю с райотделом столовую – время приближалось к трем, и подкрепиться было бы в самый раз. Восполнив душевные и физические силы жесткой, как подошва ботинка, отбивной и запив этот «шедевр» уездного общепита непонятно какого вкуса компотом, они вновь вернулись в ОВД. Теперь настал черед уточнения деталей с операми местного угрозыска. Те, лишь увидев в своем отделе гостей из столицы, мгновенно сделали безошибочный вывод: начинается «утро стрелецкой казни». И предчувствия их ничуть не обманули.

Не спеша перелистывая дела о гибели и исчезновении жителей Брутов, Гуров и Крячко задавали вопросы, на которые местным их коллегам ответить было очень трудно. И по части многочисленных недоработок, недоделок, нестыковок, и по заведомым упущениям в плане игнорирования очевидных фактов. Багровея и обливаясь ручьями пота, уездные пинкертонеры только и успевали повторять, что они крайне перегружены работой, что тыкать в них пальцем, забывая о том, что есть еще и кадры Следственного комитета, которые тоже (между прочим!) кое за что отвечают, совершенно несправедливо...

Был приглашен на «ковер» и судмедэксперт, на этот час оказавшийся в пределах Краснокуренного – приехал из Среднедонска навестить свою тетку. Лишь войдя в кабинет, где и происходило «избиение младенцев», тот сразу же позеленел и съезжился. И, надо сказать, в своих опасениях он не ошибся. Перепало ему чуть ли не больше, чем всем остальным.

Он не мог ответить, какие именно экспертные процедуры им были выполнены по всем троим, умершим в Брутах. Москвичей никак не впечатлило его робкое блеяние о том, что «там и так все было очевидно». Судмедэксперту тут же были заданы новые вопросы, не менее жесткие, не менее колючие... Например, как можно было «методом научного тыка», «на глазок», установить, имелось ли у жертв загадочного убийцы прижизненное алкогольное или наркотическое опьянение? Ведь если потерпевшие перед смертью принимали что-то подобное, то это в

значительной степени меняло причинно-следственную цепочку, приведшую к драматическому финалу.

А следы инъекций?! Полное отсутствие признаков борьбы, непонятный отказ убитых от сопротивления убитые объяснить действием одного лишь ужаса, парализовавшего их волю, можно было только с очень большой натяжкой. Всякое необъяснимое убийство с неочевидными причинами должно расследоваться тщательнейшим, скрупулезно-придирчивым образом. А потому любое верхоглядство в таких ситуациях, любое упрощенчество следовало считать не какой-то там заурядной халатностью, а сознательным пренебрежением к своему служебному долгу.

Судорожно «отбрыкиваясь» и пытаясь хоть как-то оправдаться, судмедэксперт наконец признался, что он, может быть, был бы и рад свои функциональные обязанности выполнять самым придирчивым образом, если бы не постоянный нажим со стороны замначальника УВД, возглавляющего следственное управление. По его словам, тот постоянно, что называется, бил по рукам, требуя проведения экспертиз по Брутам «экспресс-методом», то и дело перебрасывая на другие, менее важные происшествия. В заключение судмедэксперт, приглушив голос, попросил своих суровых «экзаменаторов» по этой теме на него не ссылаться.

– Поймите правильно: вы приехали и уехали, а мне здесь жить, – умоляюще промямлил он. – У него в Москве связи такие, что, говорят, сам начальник управления его побаивается...

Услышанное оперов удивило чрезвычайно. Подобную позицию руководителя областного уровня объяснить было непросто. Если вообще возможно. Лев и Станислав молча переглянулись, и в глазах каждого однозначно читалось: так, может, он сам каким-то боком к этому и причастен?

Запиликал сотовый Гурова. Судя по мелодии, все той же бессмертной «Как хорошо быть генералом!», это был Петр.

– Привет! Ну, что у вас там, мужики? Как дела? Еще вчера приехали, а так и не отзвонились. Уже работаете? – с бодрой жизнерадостностью заговорил он.

– Пашем. Как стахановцы на зяби, как две Паши Ангелины в угольном забое, – с ироничной патетикой известил Лев, ответив на приветствие и одновременно махнув рукой судмедэксперту – дуй за дверь! – Или наоборот? Ну, да это не суть важно. А в целом ситуация такова. Установлен факт заведомой, умысленной халтуры со стороны некоторых наших коллег в проведении расследования. Нам бы Дроздова сюда. Я считаю, что нужно эксгумировать погибших и по новой провести экспертное обследование трупов. Здешние кадры с этой задачей не справились. Ну, так как, пришлешь?

В трубке раздалось досадливое сопение:

– Не получится, Лева, не получится! Вчера вечером с приступом язвы желудка его увезли в больницу. Думаю, недели на две он там застрянет гарантированно. А свой последний резерв – Шульгина – я вам не отдам. Сам знаешь, что в условиях мегаполиса он требуется ежедневно. Так что пользуйтесь тем, что имеете у себя под рукой.

Расспросив Гурова об обстановке в Брутах и районе в целом, уточнив, что им со Стасом к этому моменту уже удалось выяснить, Орлов порекомендовал «активизировать работу» и даже «интенсифицировать расследование». В свою очередь, Лев попросил его «проветилировать» досье главного областного пинкертонца – послужной список, связи, принадлежность к тем или иным олигархическим группировкам и тому подобное. Уточив детали, Петр пообещал дать поручение информанщикам прямо сейчас. Когда в трубке раздалась короткая гудка, Лев с величественным видом усмехнулся:

– Мобилизуют-с нас с тобой их высокопревосходительство-с! – И, кивнув в сторону двери, добавил: – Ну и что с ними, со всеми этими гавриками будем делать?

– А что мы с ними можем сделать? Ну, выгнать, например. Но где гарантия, что на их место наберут более достойных? Сдается мне, что их тут, в смысле достойных, как снега в

Сахаре. Так что... Как в той юморной передаче: понять и простить. – Стас с выражением безнадеги развел руками. – Хрен с ними, пусть чуют и дальше.

Выйдя в коридор, они окинули взглядом понурых сыскарей и судмедэксперта. Тот выглядел самым потеряннным и несчастным. Однако когда московские «инквизиторы» уведомили, что репрессировать никого не будут и дают им шанс исправиться, он хмуро произнес:

– Это... Ну... Я, конечно, понимаю, что моим словам доверия нет. Но... В общем, если понадобится, можете на меня рассчитывать, я не подведу. Разрешите идти?

Увидев утвердительный кивок, он скрылся за дверью. Прочие, поблагодарив за доверие, поспешили в кабинет.

– Ну, и что ты обо всем этом думаешь? Имею в виду странную позицию нашего областного коллеги? – выходя из райотдела, с нотками сарказма спросил Гуров.

– Какая-то она мутная... – пренебрежительно поморщился Станислав. – Начать с того, что вчера он не захотел с нами встретиться. Это уже наводит на кое-какие мысли. Получается так, что ему есть что от нас скрывать.

– Да-а... Я того же мнения... – кивнул в ответ Лев. – Ну, что, ловить тут больше нечего? Едем тогда в районную больницу, надо побеседовать с тем мальчонкой, что за страшилищ он мог видеть. Занятный случай, однако...

Центральная районная больница Краснокуренного располагалась ближе к окраине города, на территории лиственного парка, где росли липы, тополя, дубы и тутовник. У одно- и двухэтажных корпусов старой постройки, как дань современной моде ландшафтной архитектуры, привольно зеленели туя, кипарис и можжевельник. Но даже это, без преувеличения, ботаническое великолепие не могло скрыть ветхости больничных зданий. Судя по их внешнему виду, последний раз даже косметический ремонт производился не менее пяти лет назад.

Оставив «уазик» за воротами и уведолив своего водителя, младшего сержанта Димку, что они будут минут через пятнадцать, опера прошли через приоткрытые ворота на территорию ЦРБ. Выглянувший из своей будки вахтер явно что-то хотел у них спросить, но, как видно, его профессиональная интуиция вовремя подсказала, что эти двое граждан – «не хухры-мухры» посетители, и он предпочел промолчать. А приятели подошли к центральному корпусу и, увидев проходящую мимо симпатичную молоденькую медсестричку, поинтересовались, как найти психоневрологию. Улыбнувшись, девушка пояснила, что специального отделения такого рода здесь нет, а больные с расстройством нервной системы помещаются в терапию. Это следующий корпус. А вы, я смотрю, приезжие? Поговору чувствуется, что прибыли издалека.

– Ну, вообще-то, мы из Москвы... – ответил Станислав. – Из Главного управления угрозыска, хотим повидать мальчика из Брутов, которого напугали какие-то там страшилища.

– А-а-а, вон оно что! – понимающе кивнула девушка. – Тогда зря я вас сориентировала на терапию. Дети-то только в нашем отделении, в третьем корпусе. Я там работаю и этого мальчика знаю. Да-а-а, случай очень трудный! Он поступил к нам в очень нехорошем состоянии... Первые дни вообще не мог обходиться без успокоительного, только последние пару дней хотя бы начал общаться. А то был как загнанный зверек – дрожал от каждого шороха и постоянно прятался под одеяло.

Выслушав девушку, опера задумались.

– Хм-м-м... – Лев потер лоб и вопросительно взглянул на Стаса: – Может, его и беспокоить не стоило бы? А то мальчонка и так переполошен донельзя, а тут еще мы со своими расспросами...

– Я тоже думаю – уместно ли? – сокрушенно вздохнул Крячко.

Как видно, проникшись проблемами следствия, медсестра неожиданно предложила:

– А давайте я поговорю с нашим завотделением и с мамой этого мальчика? Если они согласятся, можем пообщаться с ним все вместе. Как бы в порядке некой игры. Он ко мне привязался, и, я думаю, о чем-то удастся узнать, не травмируя его психику.

– Я только – за! – Станислав изобразил некий изысканный жест.

– Солидарен! – лаконично согласился Гуров.

Они подошли к корпусу детского отделения, и Женя – как назвала себя медсестра – поспешила наверх, чтобы решить вопрос с визитом оперов в палату маленького пациента с хутора. Глядя ей вслед, Крячко вновь не смог сдержаться вздоха.

– Говорит, мальчонка к ней привязался... – вполголоса проговорил он. – Маленький, маленький, а в женщинах уже разбирается – на такую симпатяшку-обаяшку вмиг запал. Да и как тут не привяжешься, блин? Я бы тоже привязался...

– Ста-а-с! Пре-кра-ти! – внушительно помотал Лев указательным пальцем перед носом приятеля. – И думать не смей!

– Да, ладно тебе! Будет на меня наезжать-то... – Станислав недовольно насупился. – Я что? Пристаю к ней, что ль? Просто... Высказал свою оценку в отношении молодой, красивой. Кстати, давай-ка я лучше останусь здесь и пообщаюсь с народом вон в том заведении. – Он кивнул в сторону зеленой решетчатой беседки метрах в тридцати от них, оборудованной под сенью раскидистых дубов. Со стороны этого деревянного сооружения, скорее всего, сработанного не одно десятилетие назад, временами доносились мужские голоса и громкий стук костяшек домино.

– Я пошел! – развернувшись на каблуках, объявил Стас и решительно зашагал к беседке.

Когда он уже скрылся за занавесом плюща, оплетающего ее решетчатые стены, на крыльце появилась Женя и помахала Гурову рукой.

– А что ж Станислав Васильевич? – поинтересовалась она, когда тот поднялся на крыльцо.

– Он с народом общается... – усмехнувшись, указал взглядом в сторону беседки Лев. – Решили расширить круг поиска информации. Согласитесь, обычные граждане нередко располагают такими сведениями, что ни в одной полицейской базе данных не найти. Ну, что, поговорить с мальчиком мы можем?

– Да, конечно. – Девушка изобразила приглашающий жест рукой. – Прошу! Мы сейчас зайдем к завотделением. Там вас ждет Людмила Артуровна, терапевт общего профиля, но у нее специализация по детской психоневрологии. Она занимается этим ребенком. Вы с ней сможете обговорить круг вопросов и форму их подачи. А потом мы все вместе пойдем к Ване. Его мама не возражает.

Они поднялись на второй этаж и, пройдя в правое крыло корпуса, вошли в кабинет с табличкой «Зав. отделением Санцевич Алла Степановна». Хозяйка кабинета – средних лет женщина без особых примет и ее собеседница – весьма колоритного вида (эдакая Екатерина Великая в преклонные годы) разом обернулись в их сторону. После приветствий и представлений собравшиеся перешли к главному вопросу этой встречи.

Людмила Артуровна, хотя и деликатно, но весьма настойчиво трактовала предстоящий разговор с Ваней как лишний травмогенный фактор для неокрепшей детской психики. А посему, считала она, допустимо лишь то, что мальчик сочтет возможным рассказать сам. Все прочее: уточнения, выяснения, наводящие вопросы – моменты совершенно нежелательные, способные свести на нет все прежние усилия врачей.

Гуров не стал возражать, и все четверо направились в дальний конец этого крыла, где в отдельной палате находился Ваня из Брутов. Войдя в помещение, Лев увидел мальчугана лет двенадцати, который, лежа на больничной кровати, с интересом смотрел в его сторону. Какого-либо страха в его взгляде заметно не было. Рядом с кроватью на стуле сидела интеллигентного вида женщина. При появлении гостей она поднялась и, шагнув навстречу, полушепотом предупредила:

– Очень вас прошу – никаких подробностей!

Согласно кивнув в ответ, Гуров подошел к юному пациенту и, улыбнувшись, подал ему руку.

– Ну, здравствуй, Ваня! Меня зовут Лев Иванович. Как самочувствие-то?

– Нормально! – Мальчик тоже улыбнулся, ответив на рукопожатие. – Мама сказала, что вы сыщик из Москвы. Это правда?

– Все правильно! Я – старший оперуполномоченный Главного управления угрозыска. Вот мое удостоверение. Никогда такого не видел?

Осторожно взяв в руки служебную «корочку», Ваня повертел ее в руках и, вернув обратно, неожиданно спросил:

– А у вас пистолет есть? Вы мне пистолет покажете?

Рассмеявшись, Лев достал из подмышечной кобуры свое табельное оружие и, проверив предохранитель, протянул его мальчику.

– Посмотреть можно. Но на что-либо нажимать – ни в коем случае нельзя! – строго предупредил он.

Мать мальчика и врачи при виде подобного, с их точки зрения, вопиющего безобразия замерли, растерянно хлопая глазами. Зато Ваня пребывал в настроении совершенно ином.

– Ух ты-ы! – восхищенно выдохнул он, взяв в руки увесистый, но не лишенный изящества и особой эстетики образец огнестрельного оружия. – Настоящий! А это сильный пистолет? Он далеко бабахнуть может?

– Прицельная дальность – пятьдесят метров, – словно забыв о главной цели своего визита, пояснил Гуров. – Для короткоствольного оружия это очень даже неплохо.

Поднеся пистолет к носу и втянув запах ружейной смазки, Ваня вскинул его и прицелился в дальний угол.

– А он как называется? Он круче, чем «беретта»?

Удивленно качнув головой – надо же, какой эрудированный! – Лев утвердительно кивнул:

– Круче. Это – «стриж», самый современный тип пистолета. В магазине – от семнадцати до тридцати патронов. После выстрела подскок ствола у него самый низкий, градусов десять. Кстати, у хваленого «глока» – пятнадцать, а у разных моделей «беретты» – и того больше, шестнадцать-семнадцать. Так что кучность, точность боя у «стрижа» – наилучшие.

Вертя пистолет в руках, мальчишка сокрушенно вздохнул:

– Эх, был бы он у меня, когда эти страшили из кустов полезли!

– Ты бы выстрелил? – спросил Гуров, испытующе взглянув на Ваню.

– Да! – уверенно ответил тот. – Обоих пристрелил бы на месте. Они загрызли дядю Жору, Розку и дедушку Андрея. Я поэтому так и испугался. А будь у меня пистолет – фиг с два, чего они со мной сделали бы!

Понимающе усмехнувшись, Лев осторожно поинтересовался:

– Ваня, понимаешь, задавать тебе какие-то лишние вопросы я не вправе, поэтому расскажи сам, что можешь.

– Я все могу рассказать. Сейчас я их уже не боюсь! – Мальчик говорил отрывисто, повзрослому хмурия лоб. – Я пошел к Дону на рыбалку. На вечернюю зарю. Рыба шла хорошо, и я там засиделся. Когда солнце уже село, пошел домой. Вдруг рядом со мной затрещали кусты, и какая-то когтистая рука попробовала меня схватить...

Ваня ненадолго замолчал, после чего продолжил. По его словам, он успел отпрянуть в сторону, но тут же и с другой стороны увидел кошмарное лицо какого-то невероятного создания, с разверстой пастью и оскаленными зубами, пытавшегося тоже на него напасть. Не помня себя, мальчик, бросив удочки и ведро с уловом, что есть духу ринулся наутек. В какой-то миг, оглянувшись, он увидел две уродливые фигуры с омерзительными, жуткими лицами, которые гнались за ним.

Второй раз оглянуться он решился, лишь уже оказавшись рядом с домами. Никаких страшных позавидней не было. Прибежав домой в состоянии сильнейшего психологического шока, Ваня не мог сказать ни слова. Но мать сразу же поняла, что с ним произошло нечто очень скверное. Опасаясь, что мальчик с перепугу может повредиться рассудком, она немедленно вызвала «Скорую». Перепоручив хозяйство родне и соседям, вместе с сыном отправилась в райцентр.

– Ну, ты парень уже достаточно взрослый и хорошо понимаешь, что никаких упырей в природе не существует, – выслушав Ваню, задумчиво отметил Гуров. – Речь может идти о каких-то опасных отморозках, которые свои преступления маскируют под деятельность нечистой силы. Поверь на слово, таких «умников» в своей работе я встречал в избытке. И под леших косили, и под водяных... Только это им не помогло – все отправились на нары.

– А вы этих уродов точно поймаете? – спросил Ваня и с надеждой посмотрел на сыщика.

– Иного и быть не может! – забирая пистолет и пряча его в кобуру, твердо заверил Гуров. – Для этого мы и приехали. Тебя уже, наверное, скоро выпишут? Возвращайся домой и ничего не бойся. Ну, удачи тебе!

Когда он вышел в коридор, Людмила Артуровна, поспешившая следом, сердито выговорила:

– Лев Иванович, ну как так можно? Вы все, что мы оговорили, переиначили по-своему. Беседовали с ребенком совсем не в контексте научных методик общения с детьми, у которых травмирована психика. И зачем, скажите на милость, вы дали ему пистолет? Это что, игрушка?! Должна сказать, это совершенно непедагогичный шаг! Я в вас крайне разочарована!

Сдержанно рассмеявшись, Лев с сожалением взглянул на расхрипевшуюся докторшу.

– Людмила Артуровна, позвольте высказаться и мне... – В его голосе звучал нескрываемый ироничный укор. – Я не первый год живу на свете и убежден в том, что заведомо видеть в этом паренке калеку по психическому состоянию и антипедагогично, и аморально. Тем более подобную мысль нельзя внушать ребенку, а то ведь и поверить может! Да-а! И результат может быть самый плачевный. Пистолет? Разумеется, с точки зрения буквоедствующей службистики я совершил определенное нарушение. Кстати! Можете на меня пожаловаться в главк. Ну-у, вполне вероятно, лишусь квартальной премии. Зато как мальчишка воспрянул духом: как глаза у него засверкали! О-о-о! Сразу все страхи куда и делись.

Однако его оппонентка не сдавалась.

– Лев Иванович! Я и близко не приемлю солдафонские методы воздействия на детей! – продолжала кипятиться Людмила Артуровна. – Подобная «казарменная педагогика» воспитывает грубость и бестактность, ведет к безнравственности и формированию антиобщественного мировоззрения!

– Вы тоже так думаете? – Гуров неожиданно повернулся к вышедшей в коридор матери Вани.

Та, не ожидавшая его вопроса, растерянно пожала плечами:

– Ну, я не знаю... Я обычно доверяю докторам – что скажут они.

– Вот! – воздев вверх указательный палец, возликовала докторша. – Родители, думающие о судьбе своих детей, ориентируются на мнение специалистов! Именно мы способны исцелить травмированную душу ребенка своей заботой, своим чутким отношением.

Слушая ее, Лев рассмеялся уже во весь голос.

– Да, я догадываюсь, какую бы вы создали «исцеляющую» среду для нормального пацана, не нуждающегося в приторном сюсюканье и сентиментальном хныканье! Чтобы на шее у него болтался слюнявчик, чтобы пижамочка была с рюшечками и оборочками, чтобы кругом – подушечки, пуфики, коврики, занавесочки, салфеточки и шторочки! А ему надо расти, чтобы босые ноги – в цыпках, руки – в царапинах, под глазом – синяк, чтобы на любую лошадь мог запрыгнуть одним махом и скакать на ней во весь опор...

Слушая его, Женя зажала свой рот ладошкой и, отвернувшись, рассмеялась, тогда как Людмила Артуровна от крайнего возмущения онемела и замерла, хлопая глазами. Гуров сразу понял, что своим суждением насчет рюш и оборок он, можно сказать, попал «в яблочко».

– И вообще, парню нужно мужское влияние, – строгим тоном продолжил он. – Это просто благо, что он растет парнем, а не барышней в штанах, несмотря на удушающе тотальное женское окружение и у себя дома, и в школе, и даже здесь, в больнице. Вам же наверняка Ванина «класснуха» уже не раз доказывала, что он гиперактивный, хулиганистый, что его надо держать в крепкой узде. Ведь так же? – повернулся Лев к матери Вани.

– А вы как... догадались? Ну, насчет «класснухи»? – чуть растерянно спросила та.

– На то я и сыщик... – снисходительно усмехнулся Гуров.

Мельком взглянув в сторону палаты, он неожиданно увидел Ваню, который, приоткрыв дверь, с интересом вслушивался в разговор взрослых. Категорично отмахнувшись от вновь начавшей кудахтать докторши, Лев нашарил в кармане стреляную пистолетную гильзу. После стрельбища он всегда обязательно оставлял одну-две именно на такой нестандартный случай. Протянул ее мальчишке и приятельски объявил:

– Это тебе, на счастье! Пуля из этого патрона выбила «десятку». Пусть и у тебя в жизни все получается только в «десятку».

Уже уходя, он негромко посоветовал матери мальчика:

– Запомните: для вас главным в жизни должно быть прежде всего то, какой сложится судьба вашего Вани, а вовсе не то, что диктует ваша мама и его, мягко говоря, педагоги.

Та, ничего на это не ответив, лишь молча кивнула и безрадостно понурилась. На ее лице было написано: «Сама все понимаю, но ничего поделать не могу...»

Когда Гуров подошел к беседке, там к этому моменту разыгралась нешуточная баталия. Больничному «корифею» доминошной игры бросил вызов какой-то незнакомец в потертой кожаной куртке. К возмущению «корифея», тот уже и так повел себя более чем нахально, дерзнув дать пару наводящих советов игрокам. А уж когда чужак, к его удивлению, еще и вызов бросил, «корифей» его принял и вступил в бой. И как вступил-то! Первые две партии он, к своему крайнему разочарованию, продул вчистую. Поэтому в ходе заключительной, третьей партии, ему очень хотелось отыграться, чтобы избежать «сухого» счета. И вот именно в этот момент к ним и подошел Гуров.

– О! Еще один приперся! – раздался встревоженный голос из «группы поддержки» «корифея».

Тот, нервно обернувшись, несколько отвлекся и допустил серьезную стратегическую ошибку, «отдуплившись» костяшкой «пять-пять». Чужак тут же ринулся в атаку, и... Третья партия через минуту тоже завершилась в его пользу. Негодуя, «корифей» смахнул предавшие его костяшки на землю и, поднявшись из-за стола, с оскорбленным видом немедленно покинул беседку.

– Обиделся мужик... – сочувственно отметил Станислав. – Ну, да ладно, переживет. Итак, граждане! По условиям нашего блицтурнира, вы обязывались, если я стану победителем, дать мне полную информацию о том, что творится в Брутах. Вот, кстати, и Лев Иванович подошел. Слушаем!

Важно откашлявшись, один из «команды поддержки» сокрушенно почесал макушку, давно уже лишившуюся своего растительного покрова. Немного помолчав, он наконец хрипловато, с расстановкой заговорил:

– Господа! О хуторе Бруты, каковой вас интересуется по не вполне понятной для меня причине, у нас только что не слагают саги и былины. А сие означает, что в бурном потоке информации по данной теме преобладание дезы гораздо выше, нежели того, что соответствует истине.

Как далее явствовало из его витиеватого повествования, искать корни происходящего сегодня следует в дне вчерашнем. Очень многие в районе считают, что так и не найденные и не похороненные подобающим образом Мыкола и Демьян Бруты, став слугами Вия, были посланы им в мир людей, чтобы все новые и новые хуторяне пополняли таинственное царство обитателей подземного, потустороннего мира.

– Вию понадобились новые слуги, – с таинственным видом особо подчеркнул рассказчик. – Кстати, господа, а вы в реальность сего мистического персонажа верите?

Гуров в ответ лишь усмехнулся, а Крячко, взорвав образовавшуюся в беседке гнетущую тишину, издал громкое «апчхи!!!» и, отрицательно покрутив головой, саркастично обронил:

– Не-а! Как-то не очень...

Несколько огорошенный подобным недоверием, мужчина поубавил напряженных эмоций в голосе и продолжил уже куда более будничным тоном:

– Есть еще одна версия, более материалистичная. Несколько лет назад на хуторе Бруты был убит крупный криминальный авторитет. Он поселился там, вернувшись из заключения. Но с кем-то из местных не поладил, произошла стычка, и в итоге он расстался с этим миром. С кем именно он подрался – осталось неизвестным. Однако хорошо известно другое. На похоронах этого авторитета его, так сказать, коллеги объявили, что или найдут убившего, или будут мстить всему хутору. Судя по всему, криминальный мир сводит счеты с жителями Брутов.

– А вот это уже интересно! С этого и надо было начинать... – вскинулся Крячко. – Когда примерно это произошло-то?

– Да уж давненько... – ответил молодежавый брюнет с тонюсенькими, как ниточка, усами. – Лет семь, а то и восемь назад – точно не знаю. Я тоже об этом как-то слышал... Вроде бы «погоняло» у того крутого было то ли Груша, то ли Слива...

– А может, Абрикос! – гоготнул здоровенный дед с толстенными ручищами и «гуцульскими» усами.

– В общем, какое-то фруктовое... – подытожил брюнет. – А похоронили этого авторитета в Среднедонске, на Родиминском кладбище. Рассказывали, процессия была – чуть не на километр. Сплошь «Бентли» да «Майбахи»... Потом ему поставили памятник. Вроде того, он сидит на камне, а над ним простер крылья скорбящий ангел.

– Верно, верно! – поддержали его остальные. – Как-то даже в областной газете об этом писали. Есть газета такая – «Ящик Пандоры», и вот в ней прошла статья про то, что у нас с такой помпой не хоронят даже героев войны и труда. А тут – такие почести какому-то уголовнику.

Глава 5

Возвращаясь домой уже в сумерках, опера обсуждали итоги минувшего дня. Наиболее интересной и ценной информацией они сочли полученную от доминошников. Это придавало весьма конкретный и четкий посыл в дальнейшем проведении расследования.

– Если эта версия подтвердится – а я больше чем уверен, что она подтвердится, – рассуждал Станислав, – мы эту бодягу всего за пару дней раскрутим.

– Хотелось бы надеяться... – с некоторым сомнением в голосе откликнулся Лев.

– Хм... Считаешь, тут есть какие-то заморочки? – насторожился Крячко.

– Видишь ли... – Гуров крепко стиснул сжатые кулаки. – Никак не могу объяснить себе один каверзный момент. Если происходящее в Брутах – месть уголовников, то почему они учинили такую вот вендетту с запозданием в семь-восемь лет? Не через год, не через два? С той поры, я думаю, в этих краях чуть ли не половина криминальной верхушки сменилась. А они все чего-то ждали... Тебе это не кажется странным?

– А-а-а... – Станислав глубоко задумался. – Ну, да. Что-то тут, конечно, чуточку не вяжется. Но... В принципе, согласишься, этому тоже можно найти объяснение. Что, если в самой криминальной среде по этому поводу были серьезные разногласия – мстить или не мстить? А тут на свободу вышел некий кореш этого Груши-Абрикоса и решил сводить счеты, так сказать, «невзирая на лица». А? Что на это скажешь?

– Логика присутствует! – согласился Лев. – То есть надо срочно установить личность убитого уголовника, выяснить, где он отбывал наказание и кто у него был в друзьях.

Выйдя у дома Раисы Григорьевны, опера увидели на уже темной сельской улице непонятное оживление. То тут, то там стояли группы хуторян по несколько человек и что-то бурно обсуждали. Увидев спешащего в их сторону Пал Палыча, приятели поняли – снова какое-то ЧП.

– Лев Иванович! Станислав Васильевич! Пропала без вести Катерина Савкина. Еще засветло пошла за коровой и до сих пор не вернулась. Что будем делать?

– Немедленно начинаем поиски! – жестко распорядился Гуров. – Собираем всех мужчин от восемнадцати до шестидесяти, с собой фонари, охотничье оружие, и начинаем прочесывать местность. Думаю, это какая-то уголовщина. Нам следует начать с заброшенной фермы. Окружаем ее кольцом и отрабатываем все тамошние закоулки. На сборы – десять минут! Общий сбор за околицей, со стороны МТФ.

– Понял! – Сразу приободрившись, староста поспешно направился к ближайшей компании хуторян.

Менее чем через минуту народ спешным шагом разошелся по домам. Те, что жили поближе, вернулись почти сразу же. У кого-то с собой была ижевская, у кого-то – тульская двустволка. У одного деда на плече болталась даже однозарядная винтовка еще второй половины девятнадцатого века системы инженера Горлова, ошибочно именуемая в России берданкой.

Когда группа поисковиков, в которую включилось более полусотни человек, собралась за огородами крайних домов, Гуров вкратце проинструктировал хуторское добровольческое «войско»:

– Первый этап поисков проводим при полном сохранении тишины. С одной стороны, это позволит услышать зов о помощи, а с другой – скрытно подобраться к месту преступления и задержать отморозка. Сейчас выдвигаемся к ферме, окружаем ее со всех сторон и начинаем сходиться к центру. Попутно осматриваем каждый темный уголок. Оружие должно быть на предохранителе. Стрелять только в случае крайней необходимости, первый выстрел в воздух. В сторону оцепления, чтобы не задеть своих, лучше не стрелять вообще. И последнее. Ника-

ких самосудов! Если кто-то нами будет задержан, им должно заниматься следствие. Всем все понятно? Тогда вперед!

Приглушенно гомоня, хуторяне, вытянувшись длинным хвостом, поспешили в сторону виднеющихся на фоне уже темного неба высоких «свечек» пирамидальных тополей, которыми была обсажена территория бывшей молочно-товарной фермы, где уже давно не тарахтели трактора, не мычала животины, где уже давно остановилась жизнь. Когда ферма была уже рядом, по команде Гурова, который остался в центре команды поисковиков, Станислав и Пал Палыч повели свои цепи в обход ее территории, каждые пятьдесят-шестьдесят шагов оставляя участника облавы.

Напряженно пригнувшись, подсвечивая себе фонарями, люди зашагали в сторону длинных каменных коровников с просевшими крышами и пустыми прямоугольниками окон. Голосов слышно не было, только шелест сухой травы, сминаемой десятками ног, да кое-где звяканье и хруст битого стекла... Гуров, сам не зная почему, был уверен в том, что пропавшая без вести находится именно здесь. Его обостренная интуиция, наработанная годами напряженной работы, зачастую граничащей со смертельным риском, подсказывала именно это направление.

Несколько минут спустя кольцо людей уже вплотную подошло к стенам одного из коровников. Ничуть не стусевавшись при виде такого препятствия и не нарушая порядок движения, человек шесть парней запрыгнули внутрь корпуса прямо через пустые оконные проемы, видимо, намереваясь пройти его насквозь и выйти наружу с другой стороны, тоже через пустые окна.

Внезапно Лев понял – внутри коровника произошло что-то очень важное. И, скорее всего, кто-то из поисковиков засек или преступника, или его жертву – изнутри помещения послышались отрывистые, жесткие возгласы, громкий топот множества ног, какие-то яростные вопли и отрывистый стук ударов.

«Японский городской! – со всех ног ринувшись к корпусу, не на шутку встревожился Гуров. – Уж не задержанного ли молотят?! Черт! Предупреждал же – никакого самосуда! Не дай бог, грохнут – все, кирдык этой ниточке!..»

Вбежав внутрь животноводческого помещения через пустой зев ворот, он навел луч фонаря на свирепо расходившуюся толпу мужиков, безжалостно пинающих какой-то большой черный тряпочный комок, издающий отчаянные вопли.

– Прекратить! – гаркнул он, выстрелив из пистолета в потолок.

Зычная команда, отданная Львом да еще подкрепленная грохотом выстрела, тут же восстановила порядок. Тяжело сопящие хуторяне расступились, с ненавистью глядя на человека в черной спецовке, едва ворочающегося на полу.

– Лев Иваныч! Вот, застигли на месте преступления! – утирая пот, громко доложил моложавый крепкий мужчина в камуфляже. – Вон, видите? Катерина вся порезанная в корыте лежит!

– Мужики! Я вам удивляюсь! – В голосе Гурова прозвучал упрек. – Ее же надо срочно отнести на хутор! А вы какого-то хрена этого уroda взяли «воспитывать»...

Подойдя к железобетонной кормушке, на дне которой в изодранной окровавленной одежде лежала молодая женщина, издающая слабые стоны, Лев оглянулся в сторону отморозка и едва не выразился непечатным слогом. Сейчас он и сам был готов измолотить задержанного нелюдя за его зверство, но надо было держать себя в руках. Лев осветил своим фонарем углы помещения и, увидев висящую на одной петле дощатую дверь бытовки, скомандовал:

– Парни, дверь вон ту оторвите, на нее положим Катерину и, как на носилках, доставим до медпункта. Вдруг у нее позвоночник поврежден? При такой травме в охапке не понесешь. А с этим скотом будем разбираться предметно, по каждому эпизоду. Если все пропажи людей – его рук дело, то нам надо выяснить, где находится каждый из пропавших. Может, они живые

и содержатся в каком-нибудь потайном «зиндане»? А если и убиты, так хотя бы найти тела и похоронить по-человечески...

Через минуту с небольшим в сторону хутора, освещая себе дорогу фонарями, чуть ли не бегом помчались шестеро самых крепких мужиков, которые несли Катерину. Следом, светя огоньками сигарет и самокруток, громко обсуждая сегодняшние события, потянулись и все остальные. Задержанный отморозок уныло брел со связанными за спиной руками, как приговоренный на плаху. Его с обеих сторон придерживали хуторские мужики, которые с мечтательностью в голосе прикидывали, как наиболее достойно воздать подонку за все его «подвиги». Среди наиболее мягких кар было названо четвертование, а также сожжение заживо на медленном огне...

Хутор, несмотря на достаточно поздний час, не спал. Он и ликовал, и негодовал одновременно. Катерине к этому времени на квартире бывшего фельдшера (хуторской медпункт «оптимизировали» несколькими годами ранее, в смысле его полной ликвидации) была оказана первая помощь. Экс-фельдшер Анна Филаретовна обработала ножевые раны, каких было насчитано около десятка, наложила стерильные повязки, ввела обезболивающее и антибиотики для профилактики болевого шока и раневой инфекции. С минуты на минуту должны были подъехать «Скорая» и наряд полиции. А пока в домике управы при большом стечении любопытствующих опера Гуров и Крячко вели строгий допрос задержанного.

Сидящий перед ними довольно-таки крупный тип лет тридцати, с раскормленной «шайбой» и сальными, спутанными волосами, старательно увиливал, не желая признавать очевидного. Кривя «отриходованную» пинками физиономию, он всячески отрицал свою причастность к совершенному преступлению. По его словам, он сам, случайно оказавшись на территории фермы, услышал зов о помощи и поспешил на выручку, а в темени коровника якобы увидел, как кто-то убегает прочь. По стонам он нашел жертву нападения и попытался ей помочь. Из-за этого на его руках и оказалась кровь потерпевшей. Его рука случайно наткнулась на нож, вонзенный в ее тело. Он его вытащил, поэтому на рукояти, бесспорно, окажутся отпечатки его пальцев...

Люди, плотно набившиеся в домик управы, возмущенно шумели, не веря ни единому слову задержанного. Себя он назвал Казначеевым Леонидом, жителем Краснокуренного. Свое появление у Брутов объяснял тем, что ездил на своей «шестерке» рыбачить на Пятницкие пруды, но на обратном пути машина сломалась, и ему пришлось ее бросить прямо в поле.

– Вместе со всеми документами? – саркастично поинтересовался Крячко.

– Да! – замотал головой мордастый. – А чего их с собой таскать? Вдруг в темноте потеряю?

– Номер телефона знакомых. Любых... – доставая свой сотовый, потребовал Гуров. – Ну?

– Не помню... – облизывая разбитые и оттого распухшие губы, неохотно выдавил тот.

– Адрес, где проживаешь! – последовал вопрос Стаса.

– Да я не тутешний... – вновь начал выкручиваться задержанный. – Я из Москвы, из Люберец... А тут я в гостях у своего дядьки. По памяти, где его дом, помню, а номер и название улицы специально не запоминал.

Среди собравшихся раздался язвительный смех.

– Как ужака под вилами крутится, гнида! – выразил общее мнение дед с винтовкой, которого окружающие уважительно звали Егорычем. – Слышь, ты, болезный! Чего-то ты уж больно на Витьку Распекаева из Гусихинской похож. Не его родня?

– Не знаю я никакого Митьку Распекаева, не знаю никакой Гусихинской! – желчно огрызнулся мордастый.

– О! Ты глянь! – иронично рассмеялся Егорыч. – Я-то старого Распекаева Витькой для отвода глаз назвал, а ты-то правильно назвал его по имени. Верно, Митька он. Это, выходит, ты Распекаев внучок, что годов семь назад за насильство над дитем малолетним посадили? Тебя

ж в Гусихинской всю жизнь и кликали Внучком. Значит, из тюрьмы вышел и снова принялся за старое?

Лицо задержанного внезапно исказила гримаса ненависти. Перекосив рот, он сипло заорал:

– Да! Я – Распекаев. Да! Я из Гусихинской! А ты... А ты... Чтоб ты поскорее сдох, старый пенек! А-а-а! Ненавижу вас всех! Ненавижу!!!

Но его вопли никого не удивили, не уязвили, не напугали. Люди с презрением смотрели на отморозка, обсуждая, сколько ему «отмотают» за всех им убитых. Как видно, это в какой-то миг дошло до сознания Внучка. Он резко смолк и некоторое время сидел с выпученными глазами.

– Э! Вы че?! Всех собак на меня повесить собираетесь? – беспокойно задергавшись, неожиданно возопил Распекаев, хлюпая разбитым носом, из которого продолжала сочиться красноватая «юшка». – Ладно! Насчет бабы – признаюсь. Ладно, было... И «оприходовал» ее, и пером покоцал... Признаюсь! А остальных мне шить – не хрена. Не-е-е-т! Я на это не подпишусь! Я с зоны-то откинулся только неделю назад, а в Гусихе всего третий день кантую. Чужих «жмуриков» на себя не возьму, и не надейтесь!..

Лев и Станислав молча переглянулись. В принципе, что-то подобное они и предполагали. Но... Все-таки было бы лучше, если бы запутанный криминальный брутовский ребус был разгадан уже на этом этапе расследования! Увы...

В это время вдалеке послышался характерный сигнал «Скорой». Вскоре кто-то с улицы сообщил, что Катерину врачи осмотрели и признали, что у нее большая кровопотеря. А группа у нее первая – в известном смысле дефицитная. Поэтому хуторянам, у кого тоже первая группа, резус положительный, была передана просьба завтра подъехать в ЦРБ, чтобы помочь с пополнением резерва для переливания. Среди сидевшей под окном управы компании приколистого-егозистой молодежи послышался чей-то сокрушенный возглас:

– Вот невезуха! У меня-то группа первая, резус плюс. Е-о-шкин кот! Придется ехать, отливать для Катюхи...

– Так тебя же никто туда конвоировать не собирается! – с подначкой хохотнул какой-то дежурный остряк. – Не хочешь – не езд.

– Ага! Попробуй! – с утрированным возмущением признался первый. – Совесть, зараза, загрызет. Ее, конечно, можно временно усыпить, приняв «на грудь» с пол-литра. Но тут опять «вилы»: если столько выпью, мать запилит. Так что лучше уж съездить...

– Слышь, Володь! – послышался еще чей-то голос. – Давай завтра вместе мотонем в Краскур на моей «копейке». У меня тоже первая...

На его предложение тут же отреагировал «дежурный остряк»:

– Чуваки! Клевая фишка! У Санька группа крови – первая, машина – «копейка», живет в доме под номером первым... В общем, девки, по всем статьям – первый парень на деревне. Ах, держите меня семеро, ах, держите!..

После разнобойной ржачки по поводу этой шутки какая-то девушка многозначительным тоном предупредила:

– Смотри-и, Юрец, у Санька после Ленкиного замужества с чувством юмора бывают сбои. Так что кое-кто тоже может стать первым парнем на деревне по первой группе инвалидности!..

Под окном снова раздалась громкая ржачка и приколы по поводу неких гламурных костылей для Юрца от Дольче Габбана. Пал Палыч, сидевший подле окна, тоже прыснул в кулак и, смущенно закашлявшись, поспешно прокомментировал:

– Вот черти языкастые! Что-нибудь да отморочат! Но вообще-то молодежь у нас хорошая. Гарантия, что завтра поедут кровь сдавать! Эх, Катерина, Катерина! Как же ей не повезло... Что ж тебе, идиоту безголовому, на свете по-нормальному не живется-то?! – вновь сведя брови к переносице, с тяжелым укором взглянул он на Распекаева. – Ребенку жизнь искалечил, над

женщиной надругался, искромсал ее ножом... Для чего тебе все это нужно? Так ведь и сдохнешь в тюрьме, как собака шелудивая!

Низко свесив голову, задержанный не издал ни звука. Скорее всего, он уже и сам понял, что дела его плохи. С трудом двигая ушибленной нижней челюстью, он неожиданно попросил:

– Мои сигареты можно взять? Курить хочу...

– Твои – нельзя, – жестко отчеканил Крячко. – Они с анашой – это видно даже без очков. Завтра будет дано заключение экспертизы, и эти сигареты сильно осложнят твоё положение. Светит тебе минимум лет пятнадцать строгача.

Вскоре прибыла опергруппа из Краснокуренного (по-местному – Краскура), которая после выполнения всех положенных формальностей увезла с собой окончательно раскисшего Внучка. Загружаясь в отсек для задержанных, он вполголоса попросил своих конвойных определить его в СИЗО или «к фраерам», или в одиночку.

– Что, не хочется нарваться на «чистку дымохода»? – хохотнул один из пэпээсников. – Нет, тут мы ничем помочь не можем.

К себе на квартиру приятели вернулись лишь около полуночи. Встретившая их у калитки Раиса Григорьевна с ходу объявила, что ужин никто не отменял, а она его только что разогрела уже по второму разу. Понимая, что в данном случае спорить бесполезно, опера принялись за еду, не забыв дать оценку качеству готовки.

Налив себе чаю, хозяйка дома сообщила, что «народ такими, как вы, спецями очень даже доволен». По ее словам, она уже давно не видела, чтобы все действовали так дружно, на подъеме и даже с воодушевлением.

– До сей-то поры мы только и делали, что относили на кладбище своих убитых да искали пропавших без вести. И всякий раз впустую, – говорила Раиса Григорьевна. – А тут вы приехали, и с ходу дело пошло на лад. Катюха хоть и пострадала, конечно, хорошо, что живой-то нашли. Вот бы узнать, где сейчас остальные могут быть – Руслан, Иришка, Васька, Вадим?

– Со временем узнаем... – задумчиво глядя в темное окно, пообещал Гуров. – Этот отморозок, конечно, к ним отношения никакого не имеет. Это факт. Скорее всего, он прослышал про здешние бедствия и решил «поразвлечься» в надежде на то, что его проделка будет списана на счет тех, кто тут бедокурил ранее. Да вот не вышло...

– Вот что значит люди занимаются своим делом! Я и близко не смогла бы сообразить, что Катерину надо искать на ферме. Наши-то мужики на ее розыски идти уже собирались, но только в сторону Дона. Ну, раз уж последний случай с Ваней Куразиным именно там произошел, когда за ним погнались какие-то страшилища, то подумалось, что и с Катюхой что-то там могло случиться... А вот насчет фермы никто даже не помыслил. А зря, оказывается!

– Ну-у... Мы уже столько лет работаем в угрозыске, что, наверное, пора бы такие вещи чувствовать и на расстоянии... – усмехнулся Гуров. – Кстати, Раиса Григорьевна, а Катерина Савкина что за человек?

Хозяйка дома, немного подумав и подперев голову рукой, стала говорить, что потерпевшая в целом женщина не из худших, хотя было время, по молодости, «начудила изрядно». Например, все коренные жители помнят, как Катюха в пятнадцать лет родила двух девочек, но так и не призналась, от кого именно.

Хутор подозревал, что отец ее детей – Ромка Шадрин, в ту пору работавший колхозным молоковозом, общеизвестный бабник и гуляка. Были даже свидетели того, как он тайком приезжал в роддом, чтобы навестить Катерину. А та, написав отказ от своих близняшек – что хуторяне крайне осуждали, – через два года вспомнила о них и успела забрать в последний момент, когда тех уже собирались удочерить какие-то иностранцы. Скандал был шумный, но Катька явила такой напор и неуступчивость в отстаивании своего права на детей, что те были вынуждены пойти на попятную.

Сейчас девчонкам уже по восемнадцать. Обе учатся в Среднедонском университете. По слухам, обе очень серьезные и способные. Ромка вроде бы исподтишка от жены их опекает – уже не раз видели, как он кому-то в Среднедонск возил сумки с продуктами. Да и с Катериной, ходят слухи, время от времени продолжает встречаться поныне.

– Вы ж, наверное, обратили внимание на такого видного собой мужика из тех, кто сегодня с вами ходил облавой? Он такой крепкий весь, сбитый, волос темный, кудрявый... У него еще ружье такое, похожее на автомат...

– Наверное, карабин «сайга»? – уточнил Стас. – Ну, да, был с нами, был такой! Когда этого Распекаева взяли, Ромка его крепче всех лупил. Так пинал своими берцами, что, если бы не Лев Иванович, наверное, забил бы насмерть.

– Вот, вот... Шадрин, когда Розку Котову нашли убитой, со своим ружьем всю округу обегал. Все надеялся найти тех, кто ее загубил...

По словам хозяйки дома, погибшая девушка доводилась ему племянницей, поскольку они с Евдокией двоюродные брат и сестра. Роман во всеуслышание объявил, что, если поймает убийцу, расправится с ним без малейшего снисхождения. Будь тот даже трижды вурдалаком, пообещал заживо порезать на мелкие куски. Как вскоре заметили хуторяне, после таких обещаний у хутора сразу же убавилось сторонних машин. Если до этого случая подле Брутов частенько отирались чужие легковушки – то ли дачники приезжали на пикники, то ли мелкие коммерсанты шныряли по своим делам, то с какого-то момента стало вдруг гораздо тише. Всей этой шатии-братии заметно поубавилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.